

Тереза Энн
Фаулер

Z — значит Зельд

[роман]

Тереза Энн Фаулер **Z – значит Зельда**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8509402

*Z – значит Зельда: роман / Тереза Энн Фаулер; [пер. с англ. Е. Д. Сыромятниковой].: АСТ; Москва;
2015*

ISBN 978-5-17-080156-5

Аннотация

Зельда Фицджеральд.

Одна из самых красивых и ярких женщин «эпохи джаза».

Жена и муза крупнейшего писателя «потерянного поколения».

Ее имя стало символом экстравагантности и элегантности.

История жизни Зельды Фицджеральд овеяна столькими легендами, что понять, какой она была на самом деле, очень сложно.

Тереза Энн Фаулер совершила невозможное – дала «подлинной» Зельде рассказать собственную историю!

Содержание

Пролог	5
Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	37
Глава 8	42
Часть 2	45
Глава 9	45
Глава 10	52
Глава 11	57
Глава 12	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Тереза Энн Фаулер

Z – значит Зельда

Therese Anne Fowler

Z: A NOVEL OF ZELDA FITZGERALD

Перевод с английского *Е.Д. Сыромятниковой*

Компьютерный дизайн *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Wendy Sherman Associates, Inc. и Jenny Meyer Literary Agency, Inc.

© Therese Anne Fowler, 2013

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Пролог

Монтгомери, Алабама

20 декабря 1940

Дорогой Скотт!

«Любовь последнего магната» – замечательное название для романа. А что говорит Макс?

Я подумала, вдруг я наберусь смелости для перелета и приеду провести тебя на Новый год. Если сможешь, вышли мне деньги на билет. Презабавная парочка из нас получится – ты с больным сердцем и я с больной головой. Но вместе, возможно, мы сложим что-то стоящее. Я привезу тебе сырных крекеров, которые ты всегда так любил, а ты будешь читать мне то, что успел написать. Я знаю, это будет чудесный роман, Скотт, твое лучшее произведение на сегодняшний день.

Письмо вышло короткое, так что я успею отправить его сегодня до закрытия почты. Не затягивай с ответом.

Твоя преданная

Z.

Если бы я могла втиснуться в щель почтового ящика, то отправилась бы вслед за письмом в Голливуд, прямо к Скотту, на порог нашего нового будущего. Оно у нас всегда было новое, так почему бы не приступить к очередному прямо сейчас? Если бы только люди могли путешествовать так же легко, как слова! Вот было бы здорово! И если бы нас можно было так же легко исправить!

Звеня ключами, подходит почтмейстер – пора закрывать контору.

– Как дела, мисс Сейр? – интересуется он, хотя прекрасно знает, что с 1920 года я – миссис Фицджеральд.

Он настоящий алабамец, этот Сэм, «Сейр» произносит как «Сей-йе». А вот я научилась выговаривать эти рокошующие согласные, долго прожив вдали от дома.

Я прячу руки в карманах и направляюсь к дверям.

– Все в полном порядке, Сэм, спасибо. Надеюсь, у вас тоже.

Он придерживает мне дверь.

– Бывало и похуже. Доброго вечера.

И у меня бывало и похуже. Намного хуже, и Сэму об этом известно. Как и остальным жителям Монтгомери. Я ловлю на себе их пристальные взгляды – на рынке, на почте, в церкви. Слышу шепотки о том, что я спятила, мой брат спятил... мол, печально наблюдать, как дети судьи Сейра разрушают его наследие.

– Это все от их маменьки, – шепчут они, хотя матушка, чей главный порок – происхождение (она приехала из Кентукки), была ничуть не безумнее любого из них. Но это, как я теперь понимаю, не так уж много значит.

На улице солнце уже опустилось за горизонт, устав от этого дня, от этого года, готовое, как и я, начать все сначала. Как скоро Скотт получит мое письмо? Как скоро я получу от него ответ? Если бы могла, то завтра же купила бы билет на самолет. Пришло время мне заботиться о нем.

Время...

Когда-то у нас его было в избытке – настолько, что мы растрачивали его, проводя дни в похмельном тумане и встречаясь с людьми, которых я давным-давно позабыла. Теперь же

оно превратилось в драгоценность, какую мы и представить себе не могли. Слишком много дорогих нам людей потерпели крах или погибли.

От катастрофы человека защищает лишь везение. Не любовь. Не деньги. Не вера. Не чистое сердце и добрые дела. Впрочем, и дурные тоже не спасут. Любого из нас могут подкосить, растоптать, унижить, уничтожить.

Взять, к примеру, меня. До апреля этого года, когда переехала сюда, к маме, я провела шесть лет, сменяя одну лечебницу за другой, в тщетных попытках вылечить изломанный разум и подавленный дух. Скотт тем временем скитался по отелям и гостиницам в разных городах, всегда неподалеку от меня. Но однажды Голливуд снова поманил его, и я заставила Скотта отправиться туда. Везения ему это не прибавило: вот уже три года, как он борется с алкоголем и с руководителями студий. В начале месяца пережил легкий сердечный приступ.

Подозреваю, он нашел себе кого-то в Голливуде, хотя продолжает мне писать, и заканчивает каждое письмо неизменным «С нежной любовью...» Я всегда пишу «Твоя преданная...» Даже сейчас, когда вот уже шесть лет мы живем порознь, когда он, должно быть, озаряет своим сиянием какую-то обожательницу, несомненно верящую, что спасла его, мы оба пишем эти слова совершенно искренне. Это то, что есть у нас сейчас, это мы, какие есть. Многое прошло – хорошее и плохое.

Милдред Джеймсон, которая учила меня шить, когда я только поступила в старшие классы, окликает, когда прохожу мимо ее крыльца:

– Эй, Зельда, когда же твой дружок вернется за тобой?

В этом городке мы, Скотт и я, знамениты. Местные следили за каждым поворотом нашей истории, вырезая заметки о нас из газет, разглагольствуя о событиях и дружеских связях, столь же воображаемых, как в наших книгах. Слухи нельзя прекратить, с ними нельзя даже бороться, так что волей-неволей учишься подыгрывать.

– Он пишет новый киносценарий, – отвечаю я.

Это звучит сексуальней, чем правда: что он покончил с киностудиями – утверждает, что раз и навсегда, – и работает только над книгой.

Милдред подходит к перилам.

– Но нельзя же еще одно Рождество провести порознь! – Ее седые волосы заколоты шпильками и окутаны газовым шарфом. – Скажи ему, пусть поторопится, Бога ради. И пусть впишет в фильм этого красавчика Кларка Гейбла. Господи, до чего я люблю Ретта Батлера!

– Передам, – киваю я.

– Обязательно передай. И пускай поторопится! Никто из нас тут не молодеет.

– Уверена, он работает настолько быстро, насколько может.

В 1928-м году в Париже, на званом ужине в честь Джеймса Джойса, Скотт сетовал, что «Гэтсби» продается вяло, а за новую книгу никак не получается взяться. Джойс тогда сказал, что его новый роман тоже продвигается медленно и он надеется завершить его через три-четыре года.

– Годы! – не уставал восклицать после этого Скотт, еще не догадываясь, что между «Гэтсби» и его следующим романом пролягут девять странных и беспокойных лет.

Сейчас снова прошли годы – шесть лет, но я убеждена, что этот роман он скоро закончит. После всего, что ему пришлось пережить: после всех разочарований и оскорблений – этот роман возродит его. И для читателей, и для самого себя.

На днях он написал мне:

Я нашел название: «Любовь последнего магната». Как тебе? Между тем я дочитал Эрнестово «По ком звонит колокол». Не так хорошо, как прошлое его творение, потому в Голливуде за него дали больше ста тысяч. Прибавь к этому еще пятьдесят кусков, которые

он получит за «Книгу месяца»... Да он будет просто купаться в деньгах. Нам такое и не снилось (хотя прикидывались мы знатно). А ведь раньше он не мог позволить себе ничего роскошней ветхой квартирки над лесопилкой в Париже, помнишь?

Эрнест... Скотт считает, что сейчас мы все в равном положении – он, Хемингуэй и я. Сказал, что ему прислали подписанную книгу: «Скотту, с любовью и уважением». Он был очень доволен. Я могла бы ответить, но не стала, что Хемингуэй может позволить себе быть великодушным. Почему бы и нет, если мы все сейчас, по его меркам, заняли положенные места?

Скотт продолжал:

Только что наткнулся на членскую карточку Загородного клуба Монтгомери 1918 года на имя лейтенанта Ф. С. Фицджеральда... Помнишь такого? Смелый, рискованный, романтический бедолага. Он был без памяти влюблен в писательство, в жизнь и в одну дебютантку из Монтгомери, которую все ребята помельче считали недостижимой. Его сердце так до конца и не оправилось.

Интересно, мы с тобой уже совсем пропали? Общество считает именно так, но у тебя были хорошие восемь месяцев после больницы, да и мое положение потихоньку улучшается. Я с прошлой зимы ни капли не выпил, представляешь?

Но Зельда, чего бы мы ни отдали, чтобы вернуться к началу, снова стать теми людьми, для которых будущее было таким свежим, таило столько обещаний, что казалось, просто невозможно все испортить, да?

Помоги мне Господь, я соскучилась.

Хотела бы я сказать всем, кто считает, что мы пропали, кто верит, что Скотт окончательно выжат, а у меня в голове жмутся друг к другу промокшие мыши: «Присмотритесь!»

Присмотритесь и вы увидите нечто необыкновенное, загадочное, подлинное. Мы никогда не были теми, кем казались.

Часть 1

Только перестав касаться дна, узнаешь, насколько ты высок.
Т. С. Элиот

Глава 1

Представьте раннее пасмурное субботнее утро. Конец июня 1918 года. Монтгомери облачается в свое лучшее весеннее платье и благоухает изысканными цветочными духами – наряд, который и я собиралась надеть вечером того дня. Наш дом, просторное здание в викторианском стиле на Плезант-авеню, был окутан облаком крошечных белых цветов жасмина и роскошных пурпурных выюнков. Птахи, собравшиеся на ветвях большой магнолии, заливались во весь дух, будто пробовались на сольные партии в воскресном хоре.

Из окна на нашей черной лестнице я видела, как мимо ковыляет кляча, тянущая за собой дребезжащий фургончик. За ним шли две цветные женщины, криками оповещая окружающих о своем товаре.

– Свекла! Горошек! Репа! – голосили они, перекрикивая птиц.

– Эй, Кэти, – позвала я, заходя в кухню. – Там Бесс и Клара, слышишь?

На широком деревянном столе красовалось блюдо, накрытое кухонным полотенцем.

– Без добавок? – с надеждой спросила я, выуживая из-под салфетки крекер.

– Нет, с сыром. Ну-ка, не морщитесь. – Кэти открыла дверь, чтобы помахать подругам. – Сегодня ничего не нужно! – крикнула она. – Нельзя же есть персиковое варенье каждый день, – добавила Кэти, обернувшись ко мне.

– Старая тетушка Джулия говорила, только его сладость и спасает меня от обращения к дьяволу. – Я откусила кусок печенья и спросила с набитым ртом: – Лорд и Леди еще спят?

– Оба в гостиной, что, полагаю, тебе известно, поскольку ты воспользовалась черной лестницей.

Я отложила печенье, чтобы подвернуть пояс юбки еще раз, оголяя лодыжки еще на дюйм.

– Вот.

– Может, все-таки стоило достать вам варенья, – покачала головой Кэти. – Надобно, по крайней мере, надеть туфли.

– Слишком жарко, и дождь собирается. Туфли промокнул, у меня сморщатся пальцы на ногах, облезет кожа. Тогда точно придется ходить босой, а это никак нельзя – сегодня вечером я танцую соло.

– Появись я на публике в таком виде, матушка меня бы выпорола, – усмехнулась Кэти.

– Не выпорола бы, тебе тридцать лет.

– Думаешь, ее бы это остановило?

Я подумала о том, как мои родители все еще опекали и поучали моих трех сестер и брата. А ведь все они были по меньшей мере на семь лет старше меня, состоявшиеся взрослые люди с собственными детьми. Все, кроме Розалинды. Мы называли ее Тутси. Тутси и ее муж Ньюман, который воевал во Франции, как и Джон, муж нашей сестры Тильды, не торопились обзаводиться детьми. Или дети не торопились у них появляться. Еще я вспоминала, как бабушка Музидора, когда жила с нами, без удержу давала наставления моему отцу обо всем: от стрижек до судебных вердиктов.

Значит, нужно просто убраться от родителей подальше и не возвращаться.

– Ну, неважно. – Я отступила к задней двери, сулящей спасение. – Пока меня никто здесь не заметил...

– Детка! – Я подпрыгнула от звука маминого голоса, донесшегося от двери за нами. – Где твои чулки и туфли?

– Я как раз собиралась...

– ...вернуться в свою комнату и одеться. Не вздумай отправляться в город в таком виде!

– Простите, – воскликнула Кэти, – я только что вспомнила: у нас заканчивается репа.

Она быстренько скрылась.

– Я и не собиралась в город, – соврала я. – Иду в сад. Хочу порепетировать перед сегодняшним выступлением. – Я вытянула руки и сделала изящное плие.

– Да, прелестно, – кивнула мама. – Но уверена, на репетиции нет времени. Разве ты не говорила, что собрание Красного Креста начинается в девять?

– А который час? – Я обернулась и посмотрела на часы, которые показывали без двадцати девять. Бегом бросилась мимо мамы к лестнице. – Мне надо обуться и выходить!

– Умоляю, скажи, что ты надела корсет! – крикнула она мне вслед.

Тутси сонно моргала на верхней лестничной площадке, все еще в ночной рубашке и с растрепанными волосами.

– Что происходит?

Когда Ньюман осенью отбыл во Францию, чтобы сражаться под началом генерала Першинга, Тутси вернулась домой и поселилась здесь до его возвращения.

– Если он вообще вернется, – мрачно заявила она, заработав строгий взгляд от папы, которого мы все называли судьей, потому что он был верховным судьей штата Алабама.

– Прояви гордость, – пожурил он Тутси. – Каким бы ни был исход, служба Ньюмана делает честь всему Югу.

– Во имя всего святого, на дворе двадцатый век, папочка! – выдала она.

Сейчас я ответила ей:

– Ее высочество считает, моему наряду не хватает еще одного слоя.

– Правда, детка, если ты пойдешь без корсета, мужчины будут считать тебя...

– Аморальной?

– Да.

– А может, мне все равно, – откликнулась я. – Нынче все изменилось. Военный совет велел не носить корсеты...

– Они призывали не покупать их. Но хорошая попытка. – Она проследовала за мной в мою спальню. – Если уж тебя не волнует общество и его нормы, подумай о себе. Если судья узнает, что ты ушла из дома полуголая, он с тебя шкуру спустит.

– Я пыталась подумать о себе, – возразила я, снимая блузку. – Но тут вмешались все вы.

Мама все еще была в кухне, когда я с шумом спустилась обратно.

– Так-то лучше. Теперь поправь юбку, – она указала на мою талию.

– Мама, нет. Она мешает на бегу.

– Просто поправь ее, пожалуйста. Я не могу позволить, чтобы ты принесла доброе имя судьи в жертву своей торопливости.

– В такую рань нет никого, кроме прислуги. И вообще, когда это ты стала такой щепетильной?

– Это вопрос приличий. Тебе семнадцать...

– Через двадцать шесть дней будет восемнадцать.

– Тем более. Пора вырасти из образа мальчишки-сорванца.

– Тогда считай это данью моде. В журнале «Макколс» пишут, что линия подола постепенно поднимается.

– Но не настолько же, – она кивнула на мою юбку.

Я поцеловала ее чуть оплывшую щеку. Никакие кремы и пудры не могли скрыть следов времени. Маме было уже почти пятьдесят семь, и все эти годы проявлялись в ее испещренном морщинами лице, в забранных наверх волосах, в упорном нежелании расставаться с завышенной талией и длинными, до пола, юбками в духе эпохи короля Эдуарда. Она категорически отказывалась позволить себе хоть что-то новое.

– Идет война, – говорила она, будто это все объясняло.

Мы с Тутси так гордились, когда на Новый год она отказалась от своих турнюров.

– Пока, мама! – крикнула я. – Не жди меня к обеду, я поем в закусочной с девочками.

Едва скрывшись с ее глаз, я села на траву и стянула туфли и чулки, чтобы освободить пальцы.

«Жаль, – подумала я, – что самой освободиться будет не так легко».

Я направилась к Декстер-авеню, главной артерии нашего города, поднимающейся к украшенному куполом и колоннами Капитолию, самому внушительному зданию, какое мне доводилось видеть. Вдали пророкотал гром. Напевая мелодию, под которую мне предстояло выступать, я вприпрыжку бежала, вдыхая запах свежескошенной травы, мокрого мха и сладких, подгнивающих цветов катальпы.

Тогда балет был моей единственной настоящей любовью. Я отдала ему сердце в тот самый миг, когда в девять лет мама записала меня в школу танцев профессора Вейснера в безуспешной попытке отучить от лазания по деревьям и крышам. Музыка и балетные па таили в себе радость и драму, страсть и романтику – все, чего я жаждала в жизни. Костюмы, истории, роли таили шанс для меня стать чем-то большим, чем младшей из девочек Сейр – последней в очереди, вечно ждущей, когда же она дорастет до того, чтобы дорасти.

Я как раз миновала пересечение улицы Милдред и улицы Сейр – да, названной в честь нашей семьи, когда мне на щеку упала первая капля, потом вторая – на лоб, а затем Бог открыл вентиль на полную мощность.

Я побежала к ближайшему дереву и нашла зыбкое укрытие под его ветвями. Ветер трепал листья и хлестал меня дождевыми струями. В считанные минуты я оказалась насквозь мокрой. Промокнуть сильнее было уже невозможно, и я продолжила свой путь, представляя, что деревья – это кордебалет, а я играю сиротку, наконец-то сбежавшую от колдуна-тирана. Может, я и заблудилась в лесу, но, как в лучших балетных постановках, в конце непременно появится принц.

У широкого круглого фонтана, бьющего на пересечении Судебной улицы и Декстер-авеню, я облокотилась на перила и встряхнула непослушными волосами. Пока раздумывала, не выкинуть ли чулки и туфли в фонтан, вместо того, чтобы натягивать их мокрыми, по бульвару мимо меня проехало несколько автомобилей и дребезжащих трамваев. Вспомнив, что через двадцать шесть дней мне исполнится восемнадцать, я все же обулась.

Так, одевшись более или менее прилично, я пошла по улице к новой конторе общества Красного Креста, обустроенной среди магазинов на южной стороне Декстер-авеню. Хотя дождь постепенно утихал, тротуары все еще были практически пусты. А значит, к маминой радости, не так уж много людей заметят меня такой расхристанной.

«О каких же глупостях мама беспокоится, – подумала я. – Как и все женщины».

Скольким же правилам нужно следовать, сколько приличий соблюдать, если ты девушка! Прямая осанка. Перчатки на руках. Ненакрашенные (и нецелованные) губы. Наглаженные юбки, скромные слова, опущенный взгляд, целомудренные мысли. Я считала все эти правила ерундой. Юноши любили меня как раз за то, что я была готова стрелять шариками из жеваной бумаги и отпускать непристойные шутки и позволяла целовать себя, если от них

хорошо пахло, а я была в настроении. Я основывала свои стандарты на доводах рассудка, а не под давлением общества. Прости, мама. Ты еще лучше остальных.

* * *

В центре «Красный Крест» собралось человек двадцать добровольцев, большинство из них – мои подруги, которые и бровью не повели, заметив, в каком виде я пришла. Только моя самая старшая сестра Марджори, которая сновала туда-сюда, раздавая брошюры и выпечку, подняла шум:

– Детка, ты кошмарно выглядишь! Ты не надела шляпу? – Она попыталась пригладить мои волосы, но быстро сдалась. – Безнадежно. Вот, держи, – она протянула мне кухонное полотенце. – Вытрись. Если бы мы так отчаянно не нуждались в добровольцах, я бы отправила тебя домой.

– Не переживай, – пробормотала я, вытирая голову полотенцем.

Я знала, она все равно будет переживать. Когда я родилась, Марджори исполнилось четырнадцать, и она была мне практически второй матерью, пока не вышла замуж и не переехала в дом за несколько улиц от нашего. К тому времени, конечно, привычка пустила корни. Я повесила полотенце ей на плечи, и мы пошли подыскать себе места.

Элеанор Броудер, моя тогдашняя лучшая подруга, заняла мне местечко напротив нее за одним из столов, выстроенных длинными рядами. Справа от меня сидела Сара Мэйфилд. Мы называли ее «Вторая Сара», первой была наша задушевная подруга Сара Хаардт, которая тогда училась в колледже в Балтиморе. Вторая Сара была в паре с Ливи Харт, чья шевелюра могла поспорить в смоляном эбонитовом блеске с волосами еще одной нашей подруги Таллулы Бэнкхед. Таллу со своими волосами выиграла конкурс красоты «Кинодива», когда нам было по пятнадцать, а теперь пожинала плоды победы, строя карьеру актрисы в Нью-Йорке. Жизнь Таллу и ее волос была наполнена путешествиями и блеском, и я завидовала ей, хотя и любила Монтгомери. Уж Таллу-то никто не указывал, какой длины должны быть ее юбки.

Мы ждали начала собрания, обмахиваясь веерами, чтобы хоть как-то развеять духоту. Высокие, покрашенные в абрикосовый цвет стены были обклеены плакатами Красного Креста. На одном была изображена полная пряжи корзина с двумя вязальными спицами. Она призывала читателей: «Мальчикам нужны носки! Берись за спицы!» На другом возле огромного ярко-красного креста стояла медсестра в чудовищно непрактичных пышном платье и развевающемся плаще. На руках медсестры покоились покосившиеся носилки, на которых лежал раненый солдат, вместе с носилками завернутый в темное одеяло. С моего места медсестра казалась великаншей, а солдат был готов вот-вот соскользнуть с носилок ногами вперед, если медсестра не обратит на него свой великанский взгляд. Надпись под изображением гласила: «Величайшая мать в мире».

Я толкнула Сару локтем и кивнула на плакат:

– Как думаешь, имеется в виду Богоматерь?

Ответить Сара не успела. Раздался стук трости по деревянному полу, и мы все повернулись к дородной миссис Бейкер, одетой в перехваченный ремнем костюм стального цвета. Эта поистине пугающая дородная женщина приехала из Бостона, чтобы помочь тренировать добровольцев. Казалось, посади ее на корабль, идущий во Францию, и она в одиночку выиграет войну.

– Всем доброго утра, – отчеканила она. – Вижу, вам удалось отыскать нас без лишних усилий. Война продолжается, а значит, и мы должны продолжать с удвоенной силой работать и искать добровольцев.

Некоторые девушки захлопали в ладоши. Это были самые младшие члены организации, которым только-только позволили к нам присоединиться.

Миссис Бейкер кивнула, отчего ее подбородок на мгновение растворился в шее.

– Итак, некоторым из вас доводилось накладывать повязки на пальцы и руки. Принцип перевязывания ноги или туловища – такой же. Однако есть важные различия, на которые нам следует обратить внимание. Для тех из вас, кто не проходил инструктаж, я начну с самого начала. Итак, первым делом берем отрез небеленого ситца...

Пока я выжимала дождевую воду из подола, миссис Бейкер рассказала о длине, ширине, натяжении и приступила к демонстрации. Она передала конец куска ткани девушке, сидящей ближе всех.

– Встань, дорогая. Одна из вас держит скатку и отматывает ткань по мере необходимости – это раскатчица. Большие пальцы раскатчицы должны быть на скатке, указательный – под отрезом, вот так. Указательные пальцы крепко прижаты к скатке, большие пальцы вытянуты, чтобы достичь максимального натяжения. Все, поднимайтесь, и приступаем.

Я вытащила небрежно скатанную ткань из одной из корзин, выстроившихся в ряд на полу позади нас. Этот ситец, сейчас ослепительно-белый, скоро пропитается кровью, обмотанный вокруг человеческого туловища, покрытого коркой пыли и притягивающего мух. Я видела страдания солдат на фотографиях в книгах, которые рассказывали о том, что папа называл «зверствами, учиненными над нами войсками Союза».

Эти книги и рассказы о гражданской войне предназначались моему брату Тони, который был на семь лет старше меня и служил сейчас во Франции, но папа никогда не выгонял меня из салона во время этих бесед. Напротив, он жестом призывал меня оторваться от пианино, на котором я наигрывала простые мелодии, и присесть к нему на колено.

– Мы, Сейры, оставили достойный след в Монтгомери, – говорил он, переворачивая страницы книги. – Смотри. Это когда-то была резиденция моего дяди Уильяма, где он воспитывал своего младшего брата Дэниэла, твоего деда. Потом она стала первым Белым домом Конфедерации.

– Так улицу Сейр назвали в нашу честь, папочка? – изумлялась я, впечатлительная, как все семи-восьмилетние дети.

– В честь Уильяма и моего отца. Они вдвоем придали городу его нынешний облик, дети.

Тони, казалось, воспринимал семейную историю Сейров как должное. А вот меня завораживали все эти ныне покойные родственники, и я не уставала задавать вопросы об их свершениях. Я жаждала историй.

Папа рассказывал о том, как его отец, Дэниел Сейр, основал газету «Таскиги», а потом вернулся в Монтгомери, стал редактором «Монтгомери пост» и обрел влияние в местной политике. И папа рассказывал о мамином брате, «великом генерале Джоне Тайлере Моргане», который громил союзные войска при каждой возможности, а позже стал выдающимся сенатором Соединенных Штатов. От мамы я узнала об ее отце, Уиллсе Махене, сенаторе США от штата Кентукки, благодаря чьей дружбе с сенатором Морганом мои родители и познакомились на Новомоднем балу Моргана в 1883 году. Дедушка Махен однажды баллотировался в президенты.

В тот день в Красном Кресте я задумалась: не стала ли наша семейная история обузой для Тони? Быть может, она слишком довлела над ним. Возможно, именно поэтому он женился на Эдит из семьи фермеров-арендаторов, а потом нашел работу в Мобиле и уехал из Монтгомери. Быть единственным выжившим сыном в семье – не первенцем, не сыном, которого назвали в честь деда, в свое время несшего на своих плечах львиную долю ответственности за судьбу Монтгомери, не сыном, который умер от менингита всего восемнадцати месяцев от роду, – такую ношу легкой не назовешь.

Распутав ситцевую скатку, я заставила свои мысли изменить направление и протянула Элеанор свободный конец.

– Вчера пришло письмо от Артура Бреннана, – сказала я. – Помнишь такого? Мы познакомились в мою прошлую поездку в Атланту.

Элеанор сосредоточенно нахмурилась, пытаясь разобраться со скаткой:

– Вниз большие или указательные?

– Указательные. Семья Артура выращивала хлопок еще до Революции. У них все еще остались рабы, которые не захотели уходить. Папа говорит, это живое доказательство, что президент Линкольн напрасно разорил Юг.

Элеанор довольно ловко намотала несколько слоев.

– Артур – это парень на зеленом «Дорте»? Блестящий автомобиль, на котором мы катались?

– Он самый. Восхитительная машина, да? Артур говорит, «Дорт» стоит в два раза дороже «Форда» – может, тысячу долларов. Судья скорее станцует голым перед зданием суда, чем потратит столько на машину.

Эта мысль повеселила меня. Продолжая отматывать ситец для Элеанор, я представила, как папочка выходит из трамвая в своем полосатом костюме, с зонтом и кожаным портфелем в руках. У широкой мраморной лестницы здания суда припаркован зеленый «Дорт», отполированный капот и хромированные подножки сияют в лучах солнца. Человек во фраке и шляпе-цилиндре, некий посланник дьявола, манит моего отца к машине, они беседуют, папочка качает головой и хмурится, указывая на свой зонтик. Подняв палец, он читает краткую проповедь об относительной ценности и этичности растрат, человек в цилиндре решительно качает головой, и папочке остается только раздеться прямо на месте и пуститься в пляс.

В своем воображении я из уважения представила отца вдалеке от себя и спиной к себе. На самом деле я еще никогда не видела обнаженного мужчину, хотя видела маленьких мальчиков и картины эпохи Возрождения, которые, как мне казалось, вполне отражали реальность.

– Кстати о голых людях. – Элеанор облокотилась на стол, чтобы забрать у меня из рук конец ситцевой ленты. – Вчера вечером в кинотеатре один летчик, капитан Уэнделл Хаскинс, сказал... спросил меня, правда ли, что ты разгуливала вокруг бассейна в купальном костюме телесного цвета. Он был в кино с Мэй Стейнер, а спрашивал о тебе – каков, а! Мэй тогда отошла к киоску и ничего не слышала – хоть в этом он повел себя как джентльмен.

– Как бы я хотела в тот день быть у бассейна – хотя бы для того, чтобы увидеть лица старых матрон! – подала голос Сара.

– Ты была на балу прошлой зимой, когда Зельда прицепила веточку омелы к своей юбке сзади? – спросила Ливи.

– А были бы вы здесь с нами в среду! – подхватила Элеанор. – Зельда уселась за руль трамвая, пока водитель докуривал на углу. Он так и остался стоять с выпученными глазами, а мы укатили на Перри-стрит!

– Честное слово, Зельда, тебе достается все веселье, – вздохнула Сара. – И ты никогда не влипаешь в неприятности!

– Все бояться ее папочки, так что просто грозят ей пальцем и отпускают восвояси, – усмехнулась Элеанор.

– Даже мои сестры его боятся, – кивнула я.

– А ты – нет, – сказала Ливи.

– Он лает гораздо больше, чем кусает. Так, Эл, что же ты ответила капитану Хаскинсу?

– Я сказала: «Капитан, никому не рассказывайте, но не было никакого купального костюма».

Ливи фыркнула.

– Вот за это, Эл, я тебя и люблю, – улыбнулась я. – Продолжай в том же духе, и матроны и тебя будут называть дрянной девчонкой.

Элеанор выудила булавку из миски на столе и закрепила конец скатки.

– Он спрашивал, есть ли у тебя кавалер, кто твои родители, чем занимается твой папочка, имеются ли братья и сестры...

– Может, он искал предлог поговорить с тобой, Элеанор, – вмешалась Сара.

– В таком случае он бы догадался задать хотя бы пару вопросов обо мне, – тепло улыбнулась Саре Элеанор. – Нет, он точно заикнулся на мисс Зельде Сейр из дома номер шесть по Плезант-стрит, той, что носит туфли с открытыми носами и ангельские крылья за спиной.

– И дьявольскую улыбку на лице, – добавила Ливи.

– И чистое сердце в груди, – добавила Сара.

Я изобразила, что меня тошнит.

– Он сказал, что с Мэй у них несерьезно, – продолжала Элеанор. – И еще он собирается тебе позвонить.

– Уже позвонил.

– Но ты еще не сказала «да».

– У меня до осени все распланировано, – честно ответила я.

В окружении студентов университетов, которые пока еще увивали от армии, и смеющихся друг друга офицеров, приехавших обучаться в новых военных заведениях в Монтгомери, мужского внимания мне хватало с головой.

Сара взяла меня за руку.

– Если он тебе нравится, не стоит тянуть. Их ведь могут перевести в любой день.

– Да, – подержала Элеанор. – Сейчас или никогда.

Я высвободила руку из ладони Сары и вытащила из корзины позади нас еще один ворох ткани.

– Если вы не слышали, идет война. В итоге может получиться сейчас или никогда. Так зачем мне это?

– Раньше тебе это не мешало гулять с военными, – заметила Элеанор. – Он ужасно красивый...

– Это правда. Если еще позвонит, может, я...

– Разговорчики, леди, – пожурела миссис Бейкер, проплывая мимо нас, сцепив руки за спиной и выпятив грудь, словно нос боевого корабля. – Как бы ни были важны ваши дела, наши храбрые юноши будут благодарны, если вы уделите их благополучию больше сил и внимания.

Когда миссис Бейкер удалилась, я запрокинула голову, закрыла глаза рукой и на манер Мэри Пикфорд прошептала:

– О, какой стыд!

Глава 2

Тем вечером под высокими сводами бального зала клуба Монтгомери яблоку негде было упасть. Помимо молодых людей и девушек из самых влиятельных семей города здесь собрались несколько компаньонов и десятки офицеров в форме, которые получили членство в клубе на время своего пребывания в лагере Шеридан или Тэйлор-Филд. Этим молодчикам предстояло вскоре присоединиться к своим братьям-пехотинцам и летчикам на поле боя или в воздухе, но в то мгновение они были так же юны, счастливы и готовы к романтике, как и остальные гости.

Наша балетная труппа готовилась за кулисами. Пуанты сидели идеально, ленты были затянуты крепко, пачки застегнуты и взбиты для пущей пышности. Губы накрашены, щеки наруганы, хотя никому из нас, полыхающих жаром и румянцем, это не было нужно. Последняя проверка костюмов. Еще раз растянуть сухожилия, разработать щиколотку, хрустнуть суставами. Всем выплюнуть жевательную резинку.

– Дамы, двухминутная готовность, – объявила мадам Катрин. – Построились.

Одна из девушек помладше, Мари, чуть отодвинула занавес, чтобы выглянуть в зал.

– Вы только посмотрите на всех этих офицеров! – воскликнула она. – Уж я не отказалась бы от соло.

– Если бы танцевала так же хорошо, как Зельда, может, тебе бы и досталось, – ответила другая. – И не налегай на пирожные.

– Чшш! – шикнула я. – Это детская полнота. Время и практика – вот все, что тебе нужно, Мари.

– Ты прямо как принцесса, – она вздохнула.

Мама убрала мои волнистые волосы в насколько возможно аккуратный пучок с окантовкой из крошечных чайных роз из своего сада. Темно-розовый цвет роз был в точности того оттенка, как мое отделанное сатином трико и на тон темнее моей воздушной пачки. Я действительно была принцессой, по крайней мере, здесь и сейчас – а здесь и сейчас всегда было единственным, что меня заботило.

Заиграл оркестр, и я застыла в ожидании своего выхода. Бросила еще один взгляд вниз, чтобы убедиться, что ленты пуантов завязаны, а край пачки не оказался заправлен в чулок. Не забуду ли я сделать еще одно фуэте, которое профессор добавила в последний момент? Не забудут ли две новенькие расступиться, когда я выйду позади них на сцену?

Однако стоило мне ступить на сцену, как волнение улетучилось и я почувствовала такую легкость, что готова была поверить, будто одна из прачек-креолок наложила на меня особые чары. А может, причина легкости – осознание, что я наконец-то разделалась со школой? Или дело в духе военного времени, в ощущении, что время теперь летит быстрее, оставляя нас позади? Как бы то ни было, мое тело было податливым и не знало усталости. Казалось, не успела я начать танец, как грянули завершающие аккорды и представление завершилось под аплодисменты и одобрительные возгласы.

Выйдя на поклон, я заметила в первых рядах офицеров. Как и другие офицеры, которых я встречала, эти ребята были немного старше моих обычных кавалеров. Их форма с внушительными медными пуговицами и высокими кожаными сапогами придавала им элегантность, которой не хватало местным парням – даже тем, которые учились в колледже. Солдат окутывала аура неизбежных приключений, предвкушения путешествий и сражений, крови и пуль и, возможно, смерти. И оттого жизнь в них была ключом.

Мне в глаза бросилась пара сапог более светлого оттенка, чем остальные. Распрямившись, я проследила взглядом от сапог до оливкового цвета бриджей, идеально сидящей форменной рубашки... А еще выше увидела ангельское лицо с глазами, зелеными и выразитель-

ными, как Ирландское море. Эти глаза захватили меня и удерживали крепче, чем букашку в паутине, глаза, в смеющейся глубине которых затаился целый мир, глаза, похожие на...

Что-то толкнулось мне под локоть.

– Зельда, иди! – прошептала одна из молоденьких балерин, заставляя меня занять свое место в цепочке, направляющейся за кулисы.

Когда я вернулась в зал, переодевшись в свое платье, на этот раз не отказавшись от корсета и туфель и капнув на себя мамиными розовыми духами, офицера нигде не было видно. Так что я станцевала танго с мальчиком, которого знала всю жизнь, а затем еще с полдюжины танцев, с каждой новой мелодией меняя партнера.

Пот собирался у меня на бровях, холодил руки, стекал по спине, и я переходила от одного юноши к другому, ни одному не выказывая больше внимания, чем остальным. Они были удачными аксессуарами, эти ребята. Хорошо танцевали и составляли неплохую компанию, не более того. Хотя им бы я этого не сказала. Гораздо веселее, если они воображают, будто у них есть шанс.

Наконец я сделала передышку, чтобы глотнуть чего-нибудь прохладительного. Пока стояла у дверей, потихоньку остывая, в ожидании, пока вернется с напитками мой последний партнер, ко мне приблизился тот самый офицер в бежевых сапогах. Теперь я обратила внимание и на его накрахмаленный белоснежный воротничок, на мягкую, но уверенную линию подбородка, на безупречную миндалевидную форму глаз в обрамлении длинных пушистых ресниц. Господи Боже!

Он поклонился.

– Лейтенант Скотт Фицджеральд. Я надеялся познакомиться с вами.

Его голос оказался глубже, чем я ожидала, и без малейшего следа алабамского говора или иного южного акцента.

Я сделала вид, будто потрясена его прямолинейностью.

– Но нас даже не представили друг другу, как положено...

– Жизнь нынче может оказаться невероятно короткой, а ваш последний партнер может вернуться в любой момент. – Он склонился ближе. – Уверяю вас, моим поступком движут не столько наглость и невоспитанность, сколько благоразумие.

– Что ж, генералу Першингу следует попросить у вас стратегических советов. Я Зельда Сейр, – я протянула руку.

– Зельда? Какое необычное имя. Это семейная традиция?

– Оно цыганское. Из романа под названием «Судьба Зельды».

– Из романа, в самом деле? – Он рассмеялся.

– А что, вы полагаете, будто моя мать безграмотна? Вообще-то женщины на Юге умеют читать.

– Нет, что вы. Я впечатлен, вот и все. Персонаж – цыганка – это... да это же замечательно! Видите ли, я писатель. Вообще-то, один мой роман как раз сейчас рассматривают в «Скрибнерс» – это издательство в Нью-Йорке.

Я отродясь не слышала ни о каких издательствах. Зато я видела, что он держится совсем иначе, чем другие юноши – другие мужчины, поправила я. Ему, должно быть, уже за двадцать. И в его речи слышался драматизм, к которому склонны люди, играющие, как и я, в театре. Когда проводишь столько времени на сцене, эта привычка просачивается в жизнь. Или, быть может, наоборот.

– Я думала, вы офицер, – пробормотала я.

– Это мое дополнительное занятие.

– В вашей речи совсем не слышно Юга, лейтенант. Откуда вы родом?

– До того, как начал служить, я жил в Принстоне. Военную подготовку проходил в Нью-Джерси. А детство провел в Миннесоте, в городе Сент-Пол.

– Янки вдоль и поперек. – Я украдкой взглянула за его плечо.

Как бы мне ни хотелось пить, я надеялась, что мой партнер забудет вернуться.

– Да, хотя с тех пор, как меня направили в лагерь Шеридан, Юг мне весьма понравился. И моя симпатия все возрастает.

В его чарующих глазах читалось то, что мама назвала бы «намерением». Какой-то огонек, искра, блеск или сияние. Сказки, что я читала в детстве, были полны таких слов и таких взглядов.

– Что ж, это придаст вам популярности в здешних местах, – отозвалась я.

– Я полон надежд, – улыбнулся он.

От его улыбки по мне словно прошла волна вибрации. Наверное, так себя чувствовали те, кто прошел сквозь привидение или сквозь кого прошло привидение.

– Полон надежд, – повторил он, когда оркестр заиграл вальс, – и твердо намерен пригласить вас на танец.

– А я жду симпатичного парня из Бирмингема, он должен вернуться с напитками. Жара убийственная. Не представляю, каково вам в этом, – я кивнула на форму. – Разве не хочется раздеться и броситься в ближайший водоем?

– Полагаю, все дело в том, что в водоемах не хватает музыки и прекрасных юных дам. Я обнаружил, что танцы здорово отвлекают от неудобств, причиняемых шерстяной одеждой. Неужели вы меня не выручите?

Он протянул мне руку. Как я могла отказаться? Да и зачем было отказываться?

– Пожалуй, таким образом я и впрямь послужу на благо Родины, – произнесла я.

Тут подошел мальчик из Бирмингема с пуншем. Я забрала у него бокал, осушила его одним движением и вернула со словами:

– Огромнейшее спасибо!

Я позволила Скотту увести меня в зал.

Он танцевал не хуже, чем другие мои партнеры, а может, и лучше. Казалось, часть энергии, которая переполняла меня в тот вечер, передалась и ему. Мы кружились в вальсе, будто делали это вместе уже много лет. Мне нравился его запах: от него пахло накрахмаленным сукном и одеколоном. Его рост, дюймов на пять выше меня, казался идеальным, ширина плеч – тоже. Он держал мою руку в своей церемонно и в то же время как-то привычно, его ладонь лежала на моей талии властно и осторожно одновременно. В его ясных зеленовато-голубых глазах таилась загадка, а уголки губ были едва заметно приподняты.

Из-за всего этого, хотя мы танцевали ловко и ладно, я никак не находила равновесие. Это было непривычное чувство, но Боже, как же оно мне нравилось!

Два часа спустя мы стояли друг напротив друга в розовом свете уличного фонаря, а позади нас расходились последние гости. В любую секунду могла появиться Элеанор, и тогда водитель ее папочки отвезет нас домой в старом фаэтоне, которым я однажды попыталась управлять самостоятельно. Мне тогда было двенадцать, и лошади едва не умчались вместе со мной в неизвестном направлении, но повозка опрокинулась и меня вышвырнуло на живую изгородь.

– Расскажите же еще о книжном деле, – попросила я. – Из моих знакомых никто не писал ничего длиннее статьи в газету. Матушка однажды написала короткую пьесу, но это едва ли считается, ведь это был музыкальный спектакль продолжительностью всего четырнадцать минут для благотворительного бала, мы здесь постоянно их устраиваем. А вы у себя на Севере?

– Так вы хотите узнать о моем романе или об общественных нравах в Сент-Поле? – Он рассмеялся.

– О романе. И о нравах тоже. Расскажите мне обо всем, о чем только можно, пока Эль меня не утащила.

– Давайте поступим так: я пришлю вам одну главу, и вы сами ее оцените. И в будущем сможете рассказывать, что стали одной из первых, кто прочитал ошеломительную первую книгу Ф. Скотта Фицджеральда.

– Ф. Скотта?

– Фрэнсиса – меня называли в честь кузена Фрэнсиса Скотта Ки – знаете «Усеянное звездами знамя»?

– Не так чтобы очень...

– О том и речь. К тому же «Ф. Скотт» звучит внушительней. Более авторитетно, не находите?

– Совершенно верно, – кивнула я. – Вот я уже зауважала вас сильнее, а ведь еще не прочитала ни строчки. Представляю, как буду вами восхищаться, когда закончу главу. А уж когда появится самая настоящая книга... – Я не закончила предложение, позволяя воображению Скотта завершить мысль за меня.

Я хотела, чтобы он рассказал еще о том, как ему это удалось – написать целый роман, о том, что он любит читать. И хотела рассказать ему о том, что люблю читать я. А потом мы бы поговорили о том, о чем пишут в этих книгах. Например, об Индии – я всю жизнь зачитывалась Кипплингом. Или о вымышленной Костагуане из «Чужого» Джозефа Конрада – слышал ли он о ней вообще? Где, по его мнению, она располагалась? Читал ли он «Тарзана – приемыша обезьян»? Африка, вот о чем стоило поговорить!

– Но «самой настоящей книги», быть может, придется еще подождать, – сказал он. – Увы. Пока я могу дать вам прочесть что-нибудь другое, если пожелаете. Вы любите читать?

– Я готова читать все что угодно. Моя подруга Сара Хаардт совсем недавно прислала мне престраннейшую историю, «Герлэнд», ее опубликовали в журнале. Это про общество, которое состоит сплошь из женщин. Мне такое не очень пришлось бы по душе.

Он усмехнулся.

– И я этому рад.

Никто из моих знакомых юношей не интересовался книгами. Для них значение имели только футбол, лошади и гончие. Я смотрела на Скотта, залитого розовым светом, на его сияющие волосы и кожу, в его глаза, горящие радостью, честолюбием и энтузиазмом, и у меня кружилась голова.

– Вот ты где! – воскликнула Элеанор, приобнимая меня за талию. Она появилась в сопровождении какого-то здоровяка. – Я думала, ты улизнула, как в прошлый раз.

– Улизнула? – переспросил Скотт. – Знал бы я...

– Чтобы покурить, – спохватилась через мгновение Элеанор – пришлось ее ущипнуть. – Она улизнула, чтобы покурить с парой девочек постарше.

– Старше чем?..

– Семнадцать, – ответила я. – Восемнадцать мне исполнится двадцать четвертого июля, это через двадцать шесть... то есть уже почти через двадцать пять дней, учитывая, что вот-вот пробьет полночь. Через двадцать пять дней мне будет восемнадцать.

– И тогда, надеюсь, она сразу станет более покладистой. Мы не очень много курим, – заверила его Эль. – Но это помогает предотвратить боль в горле.

– Это просто приятно, – возразила я. – И потому закон и мой папочка всегда возражали против того, чтобы это делали женщины.

– А вы-то, кстати, кто такой? – обратилась Эль к Скотту. Она указала на своего спутника. – Это мой новый друг, который вот-вот нас покинет, Уилсон Креншоу Уитни Третий.

– Скотт Фицджеральд, единственный и неповторимый, – отозвался Скотт. И, посмотрев на меня, добавил: – Который очень огорчен, что вынужден будет последовать примеру Уитни.

– Меня просто выводит из себя, что нужно ехать домой, – вздохнула я. – Не будь я девушкой...

– ...я бы не настаивал сейчас, чтобы вы позволили позвонить вам завтра. Вы позволите?

– Это послужит мне утешением, – ответила я.

Фаэтон затормозил прямо перед нами. Я последовала за Эль к дверям.

– Резиденция судьи Энтони Сейра, – обернувшись, произнесла я. – Оператор вас сразу соединит.

Облака, утром беспорядочно разбросанные по небу, к полудню собрались в огромные высокие колонны с похожими на наковальни плоскими вершинами. Я лежала на кровати, раскрыв дневник, с карандашом в руке. Одним ухом пыталась уловить первые признаки грома, грозящего расстроить мои вечерние планы, вторым ждала знакомых трех коротких звонков, возвещающих о телефонном вызове. Скотт все еще не позвонил, и я уже почти уверилась, что больше ждать не стоит.

«Сплошные слова, никакого смысла, – подумала я. – Наверное, писатели все такие».

На пороге моей спальни появилась Тутси:

– Время чая. У Кэти будет лимонный пирог или сэндвичи с помидорами, а я буду джин.

– Значит, мама ушла.

– Детка, мне двадцать девять. Видит Бог, я уже не школьница.

– И все же, чтобы пропустить стаканчик, ты по-прежнему дожидаясь, пока мама уйдет.

– Стараюсь проявлять такт. В любом случае, больше беспокоиться надо из-за папочки. Если он когда-нибудь увидит меня с сигаретой, помоги мне Бог. Я приготовлю джин с мятой и малиной. Будешь?

– Хорошо, конечно. – Я бросила взгляд на дневник, где писала о своей утренней работе в Лиге служения стране.

Мы, добровольцы, подавали булочки и кофе солдатам в буфете на железнодорожной станции, и один женатый офицер явно положил на меня глаз. Понимая, что поощрять его не положено, я все же заигрывала с ним. Он был симпатичным и забавным, чего же здесь дурного? Он всего лишь помогал мне не заскучать до конца смены, когда я могла вернуться домой и ждать звонка от моего очаровательного лейтенанта.

– Тутси, – обратилась я к сестре, – а как ты поняла, что влюбилась в Ньюмана?

– О-хо! – Она уселась рядом со мной. – И кто он? Рассказывай!

– Миз Розалинд, что вы выбрали? – послышался голос Кэти.

– Что мы решили? Пирог?

Я наморщила нос.

– Сэндвичи! – прокричала Тутси. – И сполосни для меня ягоды, хорошо?

– Да-м.

– А теперь рассказывай. – Тутси снова повернулась ко мне.

– Да не о чем рассказывать. Просто думаю, мне надо знать, к чему готовиться. Я хочу сказать, как распознать настоящую любовь? Все, как у Шекспира? – Я распрямилась и взяла Тутси за руки. – Знаешь, с вздымающейся грудью, трепещущим сердцем и безумием?

Телефонная трель на первом этаже заставила мое сердце бешено заколотиться. Тутси крепко сжала мою руку, когда я подпрыгнула от этого звука.

– Да, да, все именно так. Мужайся, сестренка.

Глава 3

Июль перевалил за середину, когда, выходя с Сарой Хаардт из шляпного магазина на улице Коммерс, я услышала:

– Мисс Сейр! Здравствуйте!

Скотт помахал и направился к нам, пробираясь через сонм молодых женщин, которые провожали его взглядами. Проходя мимо, он приподнимал шляпу и улыбался им. Даже в штатском – белой рубашке, синей жилетке и коричневых бриджах – он казался чем-то экзотическим, редким и желанным.

После нашей первой встречи я видела его еще дважды: когда он принес мне отпечатанную на машинке главу своего романа и еще раз, после того, как ее прочитала. Обе встречи были слишком короткими – мы только обменялись улыбками и комплиментами над сырными крекерами (Скотт) и дыней (я) за обедом, пока Элеанор и Ливи подглядывали из-за соседнего столика. Несмотря на большой соблазн отменить все договоренности и полностью посвятить себя красавцу-янки, ворвавшемуся в мою жизнь (как о нем отзывалась Тутси), я не считала, что его внимание стоит воспринимать всерьез.

– Как я рада, что мы с вами столкнулись, – улыбнулась я, когда он подошел.

– С моей стороны будет слишком прямолинейно сказать, что это не совпадение? Ваша сестра сообщила, что я, возможно, найду вас здесь.

– Что ж, мы польщены, да, Сара? Ах да, Сара, это лейтенант Скотт Фицджеральд из Принстонского университета. Это мисс Сара Хаардт из колледжа Гаучер. И теперь я чувствую себя необразованной, хотя и не испытываю потребности учиться в колледже. Я и школу-то едва высидела.

– Рад познакомиться, мисс Хаардт.

– Она у нас умница, не обманывайтесь, – отозвалась Сара.

Я кивнула на витрину магазина:

– Мисс Хаардт как светская львица пытается разъяснить мне, что нынче носят на голове современные леди. Как я поняла, это не торты с перьями, которые вы здесь видите.

– Вынужден согласиться, – кивнул Скотт. – Когда я в последний раз был в Нью-Йорке, во всех магазинах были выставлены шляпки поменьше и не такие разукрашенные.

– Парень знает толк в моде!

– Я наблюдателен, только и всего. Это прямая обязанность писателя.

Сара, высокая и худая, с внешностью куда менее выдающейся, чем ее интеллект, внимательно посмотрела на Скотта.

– Так вы пишете? – Это прозвучало невинно, будто я не успела выложить ей все, что знала о нем.

– С тех самых пор, как впервые взял в руки карандаш.

– Как увлекательно! – воскликнула Сара. – Я и сама немного пишу. Мы с Зельдой собирались пообедать. Почему бы вам не составить нам компанию и не рассказать о своей работе?

– Я был бы счастлив, но мне нужно возвращаться в Шеридан. – Скотт повернулся ко мне. – Прежде чем уйду, мисс Сейр – Зельда, могу я называть вас так? – Я помню, как вы пару раз упоминали, что на следующей неделе у вас день рождения. С вашего позволения, я бы хотел организовать небольшой вечер в Клубе в вашу честь.

– Серьезно? Не знаю, что сказать...

– Говорите, что пожелаете, только не отказывайтесь.

– Это ограничивает выбор. – Я рассмеялась.

– На то и был расчет. А теперь мне надо бежать. – Уходя, он широко улыбнулся. – Я позвоню вам, чтобы сообщить подробности.

Глядя, как он стремительно удаляется, Сара вздохнула.

– Как чудесно он придумал! Жаль, придется его разочаровать.

– Хочешь сказать, жаль, придется разочаровать маму и сообщить, что ее праздник отменяется. Но я обязательно попрошу Скотта пригласить ее и судью. И что-то мне подсказывает, у нее все равно будет возможность испечь торт.

Когда вечером после десерта я поделилась новостями в нашей гостиной, папа заявил:

– Этому мальчишке явно не хватает благоразумия. Он с тобой едва знаком. Откуда он, говоришь?

Я не говорила и не собиралась.

– Он отучился три года в Принстоне, потом ушел оттуда в армию и теперь служит в лагере Шеридан.

– Надо признать, энтузиазма ему не занимать, – подала голос мама.

– Это правда, – согласилась Тутси, отрываясь от вышивания. Она вышивала американский флаг, и я уже дразнила ее, что она превращается в Бетти Росс. – Когда молодой человек позвонил сегодня утром и я сказала, что Зельды нет дома, он заявил, что ему совершенно необходимо знать, где ее можно найти. «Дело чрезвычайной важности!» – сказал он так, будто от этого зависела его жизнь.

– Пустозвон, вот кто он такой. Наверное, денег слишком много, а здравого смысла не хватает. Типичный саквояжник¹. Не удивляйтесь, когда окажется, что родители его родом с Севера.

– А я считаю, это ужасно романтично, – пропела я. – И, в конце концов, день рождения-то у меня.

Папа потянулся за коньяком – единственный алкогольный напиток, который он позволял себе, и то лишь в пятницу вечером.

– Будь что будет, но твоя мать...

– ...понимает всю притягательность симпатичного поклонника, – перебила она и ласково улыбнулась папе.

Этого оказалось достаточно, чтобы заставить его сдаться.

Вечеринка в честь моего дня рождения состоялась вечером в одном из салонов клуба – зале с высокими сводами, освещенном огромной хрустальной люстрой под потолком и хрустальными светильниками поменьше на стенах. Ради этого случая я уговорила маму укоротить мое травянисто-зеленое шелковое платье с глубоким вырезом так, чтобы линия подола проходила по середине щиколотки. К нему я подобрала соломенную шляпку с узкими полями и лакированные туфли на высоком каблуке, похожие на те, что видела в журнале о кино.

– Расскажи мне побольше об этом пареньке, – попросила мама, подкалывая мое платье булавками.

– Тебе просто надо его увидеть. Тогда ты сама поймешь, – ответила я.

Я очень любила клуб, ведь там происходило столько всего увлекательного. Но газовые лампы казались безнадежно устаревшими теперь, когда в большинстве современных зданий использовалось электрическое освещение. Восточные ковры с элегантными проплешинами, скрипящие половицы и тихие темнокожие слуги тоже воплощали собой полную противополо-

¹ Северянин, добившийся влияния и богатства на юге. – *Примеч. пер.*

ложность всего современного и гордились этим. Это был Юг моего папы и клуб моего папы. Нет, отец им не владел, но вполне мог бы.

А сейчас Скотт стоял в центре зала, подняв руки вверх, и объявлял:

– Дамы и господа, добро пожаловать на *fête*² в честь восемнадцатилетия мисс Зельды Сейр! Я Скотт Фицджеральд, хозяин праздника и самый преданный поклонник мисс Сейр.

Он выглядел очень изысканно в ладно скроенном жемчужно-сером костюме с бледно-голубым галстуком в тонкую серую полоску. Его глаза, зеленовато-серые в этом освещении, напоминали мне о нечестных в Монтгомери наледях или о быстром ручье, бегущем ранней весной по устланному галькой руслу. В них светился ум, и при виде этого сияния хотелось нырнуть в голову Скотту и плескаться в глубинах его разума.

Мои друзья зааплодировали, и Скотт продолжил:

– Джаспер, наш бармен, создал новый напиток в честь Зельды. Я описал ему эту девушку, и вот оно – сочетание джина, содовой и абрикосов. Все вы обязаны его попробовать – это возмутительно вкусно!

– Ну и что ты об этом думаешь? – прошептала Сара Мэйфилд, наблюдая, как Скотт что-то уточняет у Ливи, сидящей за пианино. – Он от тебя без ума, да?

– Похоже на то. – В груди что-то странно сжалось.

– Все это должно было обойтись ему в месячный заработок. Он из богатой семьи?

– Понятия не имею. Учился в Принстоне, так что, наверное, какие-то деньги есть.

– Сколько ему лет?

– Двадцать один, – шепотом ответила я. – Он писатель, уже написал один роман. Я читала отрывок, книга отличная. Он собирается стать знаменитым.

– Не худший план.

– Судья говорит, человек, устраивающий такой вечер для девушки, с которой едва знаком, непременно окажется пустозвоном.

Сара посмотрела на моего папу, чьи скованная поза и выражение лица ясно говорили, что он тут не по своей воле.

– Не самое худшее качество, – пробормотала она.

Заиграла музыка, и Скотт подошел к нам с Сарой.

– Я убедил вашу подругу-пианистку мисс Харт сыграть нам фокстрот. Потанцуем?

– Учитывая, сколько усилий вы потратили, полагаю, мне стоит согласиться.

– Она всегда так остра на язык? – спросил Скотт у Сары.

– Советую вам быть поосторожней, мистер, – откликнулась она.

Чуть позже он рассказал мне о том, как проехал на поезде через всю страну – из Принстона через Чикаго в Сент-Пол. В его рассказе земля была устлана сверкающими бриллиантами, попутчики, которых он изображал в лицах и красках, были мудрыми, забавными или печальными, а из городов, как из рога изобилия, лились честолубие и промышленность.

«Какой он опытный», – подумала я.

Я-то, напротив, не бывала от дома дальше, чем в горах Северной Каролины.

«Опытный, но при этом дружелюбный и резвый, как золотистый ретривер», – размышляла я.

Я уже собиралась спросить, не было ли у него в роду золотистых ретриверов, но тут папа отвел меня в сторону:

– Малышка, пора откланиваться.

– Еще рано.

– Неважно. Мистер Фицджеральд уже трижды предложил нам один из этих коктейлей. Ему следует быть сдержанней.

² Торжество (фр.). – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. ред.

Я подумала, что коктейль вполне заслуживал внимания, которое ему уделял Скотт, но с папой этой мыслью делиться не стала.

– Уверена, он не станет этого делать, – рассмеялась я.

Отец прищурился.

– Не сомневаюсь, ты тоже отказалась.

– Да, сэр, – соврала я. – Ну, выпила глоточек шампанского, чтобы не оскорбить хозяина вечера. Не хотелось, чтобы кто-то решил, будто ты меня плохо воспитал.

Но папу так просто не обмануть.

– Ясно, что он тебе не пара. Я не желаю, чтобы ты продолжала тратить время на этого мальчишку.

– Ну, судья, это же ее день рождения. – Мама положила ладонь ему на предплечье.

– Я бы очень хотела остаться, папочка, – умоляюще проговорила я. – Здесь все мои друзья. Как это будет выглядеть, если я уйду так рано?

Он задумался, затем тяжело вздохнул, будто его шестьдесят лет невидимым грузом давили ему на плечи.

– Тогда пусть Тутси проводит тебя домой, – постановил он, глядя на Скотта, который строил на столе башню из пустых бокалов. – Ясно?

– Да, папочка. Но он хороший человек, тебе просто надо узнать его получше. Когда ты был в нашем возрасте, все было иначе.

Увидев, что мои родители уже в дверях, Скотт бросил свою башню и подбежал позвать руку папе и поцеловать маму в щеку.

– Спасибо вам обоим, что пришли. Зельде повезло, что у нее такие родители. И как вы славно над ней потрудились! – добавил он, обнимая меня за талию. – Замечательная девушка.

– Хм, – ответил папа.

– С днем рождения еще раз, детка, – сказала мама, обнимая меня. – Мы очень тобой гордимся. Трудно представить, что ты уже совсем взрослая. – Ее глаза затуманились. – Все мои дети уже выросли. – Она посмотрела на отца. – Судья, вы должны помочь мне понять, как такое произошло.

– Самым обыкновенным образом, – отозвался отец, подхватывая ее под локоть. – Спокойной ночи, малышка.

Как только они вышли, Скотт обернулся, взял меня за руку и крикнул Ливи:

– Милая девушка, сыграйте нам танго!

* * *

В нашем переполненном женщинами доме папа уединялся в библиотеке – маленькой комнате, заставленной ломящимися от книг стеллажами из темного клена. Он унаследовал множество книг от своего отца, а потом щедро пополнил коллекцию. Читал серьезные романы, биографии, книги о философии и истории – все это, по его словам, помогало ему лучше понять участь людей, а это понимание в свою очередь помогало ему лучше судить.

«Такой умный человек, как мой отец, который впридачу так любит книги, должен обязательно оценить планы Скотта», – решила я и за ужином через несколько дней после праздника заговорила о романе Скотта.

– Он назвал его «Романтический эгоист». У него пока нет издателя, но одно хорошее издательство – «Скрибнерс» – рассматривает рукопись в эту самую минуту.

– Писательство – хорошее занятие для досуга. Признак живости ума. Но на жизнь этим не заработаешь. На какую службу он планирует поступить?

– Писать книгу – это работа, – неуверенно возразила я. Все профессиональные писатели, о которых я слышала, были очень известными и уже умерли. – Чарлз Диккенс зарабатывал этим на жизнь. Генри Джеймс тоже.

Папа в ответ поморщился.

Тутси сочувственно улыбнулась.

– Лейтенант Фицджеральд – очень активный молодой человек.

– Активностью, – фыркнул отец, – семью не накормишь, особенно если большая часть его так называемого дохода уходит на выпивку. Фицджеральд – это, знаете ли, ирландская фамилия. Надо думать, он католик. Я человек справедливый, но этот народ заработал дурную славу не на пустом месте. Малышка, тебе не стоит в это ввязываться.

Я закипела:

– Ни во что я не ввязываюсь. Он хороший человек, талантливый. И так уж случилось, что он мне нравится. И я считаю, это большое дело – что его роман собираются напечатать.

– Это не более чем домыслы, – возразил папа, глядя на меня поверх очков. – Предположим, они и впрямь решат опубликовать такого непроверенного писателя. Маловероятно, но, признаю, возможно. Тогда он будет достаточно богат, чтобы купить себе новое пальто или что-нибудь в этом духе. Чудесно.

В столовую вошла Кэти и начала убирать салатные тарелки.

– А ты не думаешь, что его стремление проявить себя заслуживает уважения? – спросила я.

Папа посмотрел на меня как на глупышку.

– Мужчина заслуживает уважения за то, что доводит до конца какое-нибудь значительное дело. Дело, которое послужит его жизни, семье, а когда-нибудь и всему человечеству.

– Книгам это под силу! Знаю, ты так думаешь, иначе зачем столько книг? – Я показала на библиотеку.

– Скотт Фицджеральд – не Диккенс, малышка. И не Джеймс, который, кстати, унаследовал семейное состояние, как и Эдит Уортон, и вся их братия. Он не ученый, не философ, не делец и даже не политик. Кто он? Всего-навсего ирландский щенок, который слишком любит спиртное, не окончил колледж и вот-вот отправится на войну, по окончании которой у него не будет никаких перспектив. Если, конечно, он вообще вернется целым и невредимым. – Папа махнул в мою сторону вилкой. – Прекрати витать в облаках и найди твердую почву под ногами, иначе рано или поздно окажешься в хижине с каким-нибудь черномазым, будешь стирать свою одежду в реке и каждый день есть бобы на ужин.

– Господи, судья, что за жуткая картина! – воскликнула мама. Она похлопала меня по руке. – Кэти, можно подавать ростбиф.

– Да-м.

Меня так и тянуло возразить, но не осталось аргументов. Насколько я видела и знала, мнение отца было непоколебимо.

– Ты же не хочешь, – продолжил он, – чтобы тебе хоть раз пришлось самой зарабатывать на жизнь.

Он прав, мне совсем этого не хотелось. Ни одна уважаемая замужняя женщина не стала бы работать, будь у нее выбор, – только не в Алабаме. Так уж нас воспитали: наши умы должны занимать только одна цель – выйти замуж за лучшего парня, какого мы только сможем найти. И сколько бы правил мне ни хотелось нарушать, об этом я даже не задумывалась. А потому все, что мне оставалось, это сделать так, чтобы прав оказался Скотт, а не папа.

Глава 4

– Я не могу остаться на ужин, но я должен был тебя увидеть, – сказал Скотт.

Стоял октябрьский вечер, и я ждала Скотта на переднем крыльце. Скотту и самому в последнее время приходилось много ждать – пока решится судьба его романа, который уже был единожды отвергнут и вновь подан на рассмотрение; когда отбудет его полк – мы знали, что это должно случиться со дня на день; когда я объявлю его первым и лучшим среди своих кавалеров и возможным женихом – к чему я пока не была готова. Он не собирался возвращаться на Юг после войны, а я, как бы Скотт ни был мне дорог, не могла просто так оставить дом. Кем я буду, если уеду из Монтгомери?

И все же он продолжал приезжать в наш городок на дребезжащем автобусе всякий раз, когда удавалось вырваться из лагеря Шеридан. Мы отправлялись на долгие прогулки, на танцы. Он водил меня ужинать, а порой мы сидели на ступеньках крыльца у кого-нибудь из наших друзей, прихлебывали джин из фляги, рассказывали истории и смеялись так, как смеются лишь те, кто еще не познал настоящих потерь и лишений. Немало времени мы проводили, упражняясь в поцелуях. Я сразу предупредила, что это ни к чему не обязывает.

– Иначе я уже давно была бы замужем, – пояснила я.

Я старалась скрывать наши встречи от папы, потому что, как говаривала тетушка Джулия, «беда особого приглашения не ждет». Она была урожденной рабыней дедушки Мэхена и нянькой моей матери, а воспитывала всех детей Сейров. По ее словам, освобождение рабов означало лишь, что теперь нужно учиться еще пуще следить за собой.

Сейчас Скотт был мрачен и, судя по покрасневшим глазам, либо неважно себя чувствовал, либо мучался похмельем. Он уже говорил, что ожидание выдвижения почти доконало его. Он и еще несколько офицеров целыми ночами пили кукурузный сироп и обсуждали, как расправятся с врагом, если представится шанс. Может, дело действительно только в этом. Я надеялась, что это не тот ужасный испанский грипп, о котором толковали все вокруг.

– Что такое? Ты заболел?

– В каком-то смысле. – Скотт достал из кармана сложенный лист бумаги и передал мне.

В «шапке» значилось: «Сыновья Чарлза Скрибнера», и я сразу поняла, что новости нерадостные. Письмо было коротким, тон – извиняющимся, но не допускающим возражений.

– Ох, мне так жаль. Ты столько трудился.

Он тяжело опустился на верхнюю ступеньку, будто отказ превратил его кости в вату.

– Знаешь, в детстве я был отвратительным учеником. Никак не мог сосредоточиться. А поскольку у моего отца было громкое имя, но не было денег...

– Как у нас, – кивнула я, сходя на пару ступеней ниже и облокачиваясь на перила. – Ни мама, ни папа не получили большого наследства. Папа говорит, что это и хорошо – мужчина должен сам проторить себе путь.

– Твой папа прав. И мои родители надеялись, что со мной так оно и будет, если я всерьез займусь учебой. Тетя предложила мне поступить в Ньюманскую старшую школу и все оплатила. И Принстон тоже. Очень щедро с ее стороны, – сухо проговорил он, сковыривая заусенец. – А меня страшно злило, что я для нее всего лишь благотворительный проект. У всех моих одноклассников были папаши-миллионеры, собственные дома, заграничные поездки, роскошные балы... Отчего я не родился таким? – Он перевел взгляд на меня, и я пожала плечами. – Я хотел, чтобы мне нашлось место за их столами. Я и писать стал для этого – чтобы получить если не миллионы, то престиж. В Америке можно проторить собственный путь к вершине в любой сфере. А когда ты это сделаешь, что ж, тогда тебя примут. – Он кивнул на письмо, которое я все еще сжимала в руке. – Здесь, девочка моя, закончилась мечта.

По моему настоянию мы вышли во двор, чтобы нас нельзя было подслушать из-за окон возле крыльца, и я опустилась на траву. Он рухнул рядом со мной.

– Разве нет других издательств? – спросила я.

– Главную ставку я делал на «Скрибнерс», – вздохнул Скотт, откидываясь на спину и всматриваясь в розовато-лиловое небо. – С тем же успехом можно отправляться служить мишенью для фрицев.

– Не говори глупостей. Ты лучший писатель! Людям в «Скрибнерс» просто не хватает ума это разглядеть. Наверное, там сидит толпа надутых старых консерваторов, которым воротнички натерли шею.

Он тускло улыбнулся.

– Это действительно консервативное издательство... – Но так же быстро улыбка сползла с его лица. – Мои идеи слишком радикальны. А мой стиль недостаточно традиционен.

Я положила письмо ему на грудь.

– Но ведь мистер Перкинс так не думает.

Скотт снова вздохнул.

– Какая разница, что думает Перкинс, если в итоге ответ все равно «нет». Господи, я жалкий неудачник. Нужно было принять сан – я тебе рассказывал? Монсиньор Фей, мой наставник и хороший друг, всегда говорил, что я рожден для высоких целей. Я изобразил его в романе, который, конечно, никто никогда не прочитает.

Его голос просто сочился отчаянием. Я дала себе минуту поразмышлять, как вытащить его из этой тоски и вернуть к привычному воодушевлению. Может, обратиться к его гордости – с моим братом срабатывало. Тони частенько проваливался в хандру, и пара жестких слов обычно давала хорошую встряску, которой сочувствием не добиться.

– Серьезно, что ты хочешь, чтобы я думала? Что ты жалкий неудачник? Да еще и трус, который бежит от трудностей? Фрэнсис Скотт Фицджеральд, выпускник Принстонского университета, всего лишь никому не нужный тюфяк, вышедший в тираж, так ничего и не добившись? Таково твое решение?

Скотт приподнялся на локтях и всмотрелся в меня, нахмутив брови и поджав губы. Я задрала подбородок и одарила его своим самым серьезным взглядом – тем, который я использовала, когда учила младшеклассников литературе. Нужно было заставить детей поверить в твою совершенную искренность, особенно когда речь заходила, скажем, о Уильяме Блейке и его тигре, затаившемся в чаще.

Этот жар приводил детей в полное замешательство. Тигр что, правда горел? Он умер? Почему он загорелся? В него ударила молния? Его наказал Бог? Я должна была заставить их поверить, что поэзия дело серьезное – до лимериков³ они и так скоро доберутся.

Сейчас мне нужно было заставить Скотта поверить, что он рискует упасть в моих глазах. Я бросила на него неодобрительный взгляд и отвернулась.

– Ты ведь знаешь, что я пробовался на сцене раз или два? – спросил он.

– Да, ты рассказывал.

Он был активным участником Принстонского клуба «Треугольник», писал для них тексты пьес и сам участвовал в нескольких представлениях.

– Ну так вот, сейчас я играю роль Отвергнутого Юноши. Оттачиваю актерское мастерство. Нельзя позволять таланту ржаветь.

Снова поворачиваясь к нему, я заставила себя не улыбаться:

– То есть ты все же не жалкий неудачник?

³ Форма короткого стихотворения, основанного на обыгрывании бессмыслицы.

– Нет, – прочувствованно ответил он, выпрямляясь. – Конечно же нет. Университетские газеты пачками публиковали мои произведения. Стихи, пьесы, рассказы, очерки. Полный список составил бы пару футов. Однажды я написал мюзикл! Это пустяк. Небольшая заминка. Я могу попробовать снова.

– Вот и я так думаю. Ты останешься на ужин?

– Нельзя же разочаровывать твоего отца.

В день, когда выступал полк Скотта, моя сестра Тильда, которая теперь тоже жила у нас, пока ее мужа нет рядом, обнаружила меня на деревянных ступенях крыльца в прескверном расположении духа.

Тильда в свои двадцать семь была мне ближе всех по возрасту. Способная и надежная, она растила очаровательного мальчика, названного в честь его отца. Она была одной из настоящих «девушек Гибсона», величественных и эфемерных. Ничто не могло поколебать ее спокойствия. Своими темно-русыми волосами, очками и решительным настроением она во многом походила на папу.

Тильда присела рядом со мной.

– Значит, Скотт уехал? Мне сказала Тутси.

Я отрывала белоснежные лепестки у пахучего, шелковистого цветка жасмина и бросала их себе под босые ноги.

– Зачем они это делают?

– Что, вызываются добровольцами?

– Да. Зачем они вообще воюют? Почему все еще верят, что любое дело можно решить, собрав толпу молодых людей в поле, в лесу или в городе и заставив их стрелять друг в друга? Как будто правота сторон будет зависеть от того, кто захватит это поле, реку, или горсть домов. Какое Джону дело до того, получают немцы кусок Франции или нет? Почему это заботит его больше, чем ты?

Тильда обхватила колени руками и сплела пальцы в замок.

– Мужчины думают иначе. Они верят, что таким образом демонстрируют характер. Они сражаются ради нас.

– Мне-то какая пользы от войны? Или тебе? Ни в Монтгомери, ни в любую другую часть Америки никто не вторгается.

– Война подарила тебе Скотта.

– А теперь забирает его.

– Потерпи, детка. Ты еще совсем юная, не нужно связывать надежды на будущее с одним-единственным человеком.

– Разве он тебе не нравится?

– Нравится, хотя я видела его совсем немного. Хотя по рассказам матушки он похож на маленького мальчика, который бежит повсюду и кричит: «Посмотрите на меня! Посмотрите!»

– Что в этом плохого?

– Я беспокоюсь, да и матушка тоже, что вы с ним измотаете друг друга, – вздохнула Тильда. – Так или иначе, проживем – увидим. Я знаю, общение с ним доставляет тебе большое удовольствие, но все равно может оказаться, что он не твой единственный.

Насколько легче мне было бы, если бы Тильда оказалась права. Насколько проще стала бы моя жизнь...

Глава 5

1 ноября 1920

Дражайшая Зельда!

Пишу тебе с Лонг-Айленда – мы застряли в порту и не можем двигаться дальше, пока мои ребята не оправятся от гриппа. Я и другие офицеры коротаем время за плохими стихами и недурным бурбоном и не снимаем фуражек в надежде усилием воли победить болезнь и отправиться в бой. Милая, милая моя девочка, я скучаю по твоей улыбке, по звуку твоего голоса и по тонкому аромату розовой воды на твоей нежной шее. Забавно, как сильно меня тянуло во Францию до того, как я узнал о существовании этого местечка чуть ниже твоего уха... Теперь я хочу разделаться уже с этой проклятой войной, чтобы вернуться к своему истинному призванию.

Твой томлящийся Скотт.

Не желая думать о том, что ждет его во Франции, я отвечала весело. Рассказала, что начала писать маслом по настоянию миссис Дэвис, которая учила меня рисованию в старшей школе Сидни Ланье и верила, что у меня большой потенциал.

Весь первый день мы учились произносить термины – нашему южному языку непросто даются слова «гризайль» и «кьяроскуро».

Я поделилась историей о том, как накануне вечером выпила два напитка покрепче на званом вечере в отеле «Эксчендж» и в результате влезла на стол, чтобы продемонстрировать публике движения разнузданного негритянского танца под названием «Черная корма» – одной из наставниц пришлось стаскивать меня силой.

Эта милая пожилая дама со всей обстоятельностью растолковала мне, что это скандальный танец, а я не менее серьезно объяснила ей, что она не дает мне выполнить обещание. Родной мой, думаешь, мне удалось бы добиться успехов в чем-то, кроме развлечения? Не уверена, что это мое желание. Хотя, конечно, больше всего мне хочется развлекать тебя. Поэтому я, как обычно, записываю свои пустяковые истории в дневник, чтобы тебе было что почитать, когда вернешься.

Прошло три недели со дня его отъезда. Однажды, это было в понедельник, я обнаружила папу в окружении мамы, всех троих моих сестер и Майнора, мужа Марджори. Перед собой на вытянутых руках, словно трофеем, папа держал газету. Я протолкнулась поближе к Тильде, чтобы взглянуть.

– Что происходит?

– Все закончилось! – Тильда бросилась мне на шею. – Гансы сдались!

Папа постучал по газете костяшками пальцев и повернул ее, чтобы мне было видно. В газете «Экстра» заголовок гласил: «МИР! Сражения окончены! Подписано соглашение о прекращении огня».

– Сегодня утром, по парижскому времени, – сказал он. – Мы победили!

– Тони, и Джон, и Ньюман возвращаются домой! – подхватила Тильда.

«И Скотт», – подумала я.

На меня накатила волна облегчения. Ему не придется плыть через Атлантику, чтобы встретиться лицом к лицу с жестоким врагом, его никогда не будут перевязывать бинтами,

которые скатывала я и многие другие, он не будет вязнуть в грязи окопов, под угрозой ранений, инфекций, паразитов, смерти, пока я в полубезразличии жду окончания войны.

«Его домом, – подумала я, – будет Нью-Йорк, город мечты».

Он рассказывал, как до войны его друг по Принстону Банни Уилсон жил на Манхэттене, работал репортером, делил квартиру с еще двумя мужчинами и массой книг, а вокруг суетился и дышал очарованием большого города. Скотт представлял, что будет жить как Банни, а не так, как живут в дремотном южном Монтгомери, где больше всего движений в жаркий полдень создают лопасти вентилятора на потолке.

– Ты не умираешь от радости? – спросила Тутси, обнимая меня.

– Конечно, умираю. Как же иначе?

Скотт ненадолго вернулся в Монтгомери, чтобы помочь свернуть лагерь Шеридан. Мы делали вид, будто нас не волнует, где он станет жить дальше. Большую часть времени обменивались страстными поцелуями в затененных уголках Клуба или на заднем ряду Театра Империи под звуки какой-нибудь кинокартины. Мы шутили, что весь наш роман развивается под музыкальный аккомпанемент.

– Держу пари, Лиллиан Гиш чувствует то же самое, – говорила я.

В начале февраля в сырой серый день, когда облака неслись по небу, а ветер пронизывал до костей, мы вышли на прогулку, просто чтобы побыть наедине. На углу улиц Сейр и Милдред он взял меня за обе руки.

– Ты бы хотела приехать ко мне? В Нью-Йорке ненамного холоднее, чем здесь сегодня.

Я потрясенно уставилась на Скотта. Его лицо заливал румянец, в глазах сияла надежда.

– Это настоящее предложение?

– Я могу повторить это при свечах за ужином, если так будет официальной, но да, я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж. – Он опустился на колени. – Выходи за меня, Зельда. Мы будем строить свою жизнь прямо на ходу. Что скажешь?

Я оглянулась, обводя взглядом квартал, знакомые дома, табличку с именем Сейров, тротуары и фонари, деревья. Здесь я играла в салочки, каталась на велосипеде, на роликовых коньках, выдувала мыльные пузыри, а позднее прогуливалась с ребятами, которые, как и тот, что стоял передо мной, хотели сделать меня своей невестой. Я любила Скотта со всем пылом восемнадцатилетней девушки, но любила ли я его достаточно, чтобы навсегда покинуть родной дом?

Он заметил нерешительность на моем лице и поднялся с колен.

– Тебе не нужно отвечать прямо сейчас. Обдумай все хорошенько. Я буду твоим, Зельда, если ты этого хочешь.

Ночью, закрыв глаза, я увидела, что стою на перепутье... Я за городом, в деревне. Воздух неподвижен, все вокруг замерло, и я жду, когда судьба проявит себя, подтолкнув меня в том или ином направлении.

Я смотрю на длинную грунтовую дорогу, я понимаю, что если отпущу Скотта, несомненно окажусь замужем за милым порядочным пареньком из хорошей семьи, прочно укоренившейся на Юге. Я буду все той же девочкой, только вечера, в которых принимаю участие, переместятся из Клуба и отеля «Эксчендж» в гостиные и салоны.

Скажем, у моего мужа будет своя хлопковая плантация, он будет играть в гольф, охотиться и пить отличный бурбон с друзьями. У моих детей будут цветные няни, которые будут присматривать за малышами, пока я хожу по званым ужинам с подругами и планирую такие же общественно-культурные мероприятия, в которых сама участвовала все эти годы. Я знаю эту жизнь, ясно вижу ее, люблю ее так, как люблю свою семью, понимаю ее и на самом деле совсем не хочу менять.

Глядя на дорогу в противоположном направлении, я вижу жизнь, которую мне предлагает Скотт, – он обрисовал ее в конце нашей прогулки. Она даже более непредсказуема, чем погода в Алабаме по весне.

Для начала он отправится в Нью-Йорк, где найдет какую-нибудь работу в литературном бизнесе, которая сможет прокормить нас обоих, и тогда пошлет за мной. Подыщет нам свой уголок – квартиру, маленькую и старую, но уютную. Как-нибудь – он говорит, что с моей помощью, – издаст свой роман и займет положенное место в ряду лучших писателей современности. Мы будем вращаться в кругах литераторов и его друзей по Принстону, которых, в этом он не сомневается, я сочту восхитительными. Рано или поздно мы заведем детей. А до тех пор сможем упиваться развлечениями, которые оба обожаем: музыкой и танцами, пьесами и водевилями. Это будет приключением – слово, которое всегда манило нас обоих.

Я могла с легкостью выбрать любой из путей. Но только по одному из них я пойду вместе с уникальным парнем, чье присутствие озаряло всю комнату и меня, а это о чем-то да говорит. Вопрос только в том, сможет ли он воплотить свои планы в жизнь. В какую сторону подует ветер?

Восемнадцать я была нетерпелива и решила: не стоит ждать ветра. Около трех часов ночи я, крадучись, спустилась по лестнице и позвонила в казарму Скотта.

– Ты ведь сделаешь все для того, чтобы оно того стоило, да? – спросила я, когда он снял трубку.

– И даже больше.

* * *

– Ты только посмотри, – произнесла Сара Хаардт, когда я зашла в дом ее родителей на чай в чудесный, благоухающий майский полдень. – Краше некуда. Ты похожа на Венеру Боттичелли.

Сара, с ее врожденным пороком сердца и извечной худобой, сейчас выглядела даже стройнее, чем когда я видела ее в последний раз, и была все такой же бледной.

– А ты Мона Лиза, – отозвалась я. – Представляешь, какой фурор мы произведем, если выйдем в люди вместе?

– Не могу представить, чтобы тебе и в одиночку не хватало внимания.

Это правда. Хотя Скотт прислал мне бриллиантовое кольцо своей матери, которое я носила с гордостью и удовольствием, моя общественная жизнь практически не изменилась. Местные ребята, вернувшиеся из Франции, все, за исключением нескольких десятков, которые не вернутся уже никогда, похоже, не тревожились, что вскоре я уже не смогу уделить им внимание. Главное, что сейчас я все еще могла станцевать хороший тустеп, рассказать хороший анекдот и залезть иногда на стул или на стол, чтобы показать, как прекрасно пляшет бахрома на воротнике моего платья в такт моим движениям.

Кроме того, мы со Второй Сарой вызвались помогать миссис Маккинни в планировании свадеб. А еще у меня были мои занятия по живописи, где я уже в третий раз пыталась запечатлеть на холсте идеальный цветок кизила. Еще был теннис. А еще теперь, когда поле для гольфа покрылось зеленью, я упорно отрабатывала удар, чтобы попытаться выиграть любительский трофей в турнире в следующем месяце.

Я прошла вслед за Сарой в гостиную Хаардтов. Горничная расставляла фарфоровый чайный сервиз на столике, у которого стояли два стула, обитых ситцем в цветочек. За французским окном на ветке магнолии жались друг к другу три пушистых вихрастых птенца кардинала. Сквозь окно доносился их щебет.

– Что слышно от Скотта? – спросила Сара. – Никто не может поверить, что ты и впрямь позволила мужчине заарканить себя – и увезти в Нью-Йорк! Что говорят родители?

– О, у них чуть припадок не случился, когда я объявила о наших планах. Но я сказала им: «Я обожаю Скотта. Он такой один. Я нашла моего принца». Папочка только глаза закатил, как ты понимаешь. Но Скотт чудесный, вот и весь разговор, – вздохнула я. – Конечно, прежде чем забрать меня, ему придется пройти испытания. Преодолеть трудности. Убить драконов. Тогда он сможет вернуться за мной, увенчанный лавром.

– Ты читаешь Теннисона, да?

– Разве Ланцелот не прекрасен? – откликнулась я и, откинувшись на спинку стула, положила ноги на стол. – Раньше я думала, что никогда не захочу уехать отсюда, даже ради такого потрясающего парня, как Скотт, но теперь Элеанор живет у сестры в Канаде, а ты в Балтиморе большую часть времени, а мои братья и сестры все разъехались – ну, кроме Марджори, – и, даже не знаю... столько всего происходит, но при этом ничего не происходит!

Сара кивнула.

– В последнее время я прослушала столько потрясающе интересных лекций! Ты слышала о новой дисциплине – сексологии?

– Не произноси это слово при своей маме.

– Она сама была на одной из лекций! Я так ею гордилась. – Сара налила нам чаю. – Сексология изучает власть женщины в интимных отношениях и учит осознавать наши уникальные психологические особенности, чтобы не стыдиться собственных желаний. Знаешь, мы живем в историческую эпоху. Женщины получают право голосовать, когда Конгресс возобновит заседания и закончит ратификацию.

– Звучит как ведьминское заклинание. Ратификация – такое может и в крысу превратить.

– Оно превратит нас в полноправных людей. – Сара шлепнула меня по руке. – Женщины смогут выбрать нашего следующего президента.

– Пока что я выбрала себе мужа – если только он закончит с обещаниями и подкрепит слово делом. Скотт уже продал этой весной один рассказ в какой-то гляцевый журнал под названием «Сливки общества», а потом потратил все заработанные тридцать долларов на веер из перьев для меня и фланелевые брюки для себя. Но он не может найти работу по душе – пишет рекламные тексты по девятистам долларам в месяц и живет в какой-то удручающей квартире возле... как он сказал? Гарлема? Какое-то место вроде бы в городе, но не совсем. Ненавидит свою работу, но без конца твердит: «Скоро». Скажу по секрету... чем больше он это говорит, тем меньше я ему верю. Скоро – это когда? Не через несколько дней, или недель, или даже месяцев. Это просто звук, а не единица измерения. – Я наклонилась к Саре. – Как думаешь, с моей стороны глупо – выйти за него замуж? Скажи честно. Я доверяю твоему мнению.

– Он любит тебя? Искренне любит, видит в тебе особого человека, а не идеализированный женский образ?

– Да, но...

– Но что?

– Если он не добьется успеха, это его сломает. У меня будет сломанный муж в бедной квартире. Я, конечно, романтик, но уверена: любовь побеждает не все. К тому же он уже целых две недели мне не писал. У него своя, другая жизнь. Другие друзья.

– Как и у тебя, если посмотреть на это его глазами, – покачала головой Сара. – Дай ему еще немного времени. Если он видит тебя так, как ты говоришь, он редкий человек, Зельда. Даже сейчас, на пороге новой эпохи, большинство мужчин знакомятся с женщинами исключительно ради их вагины.

– Ох, Сара Хаардт, – с восхищением протянула я. – Граучер серьезно обогатил твой словарный запас.

– Ты хотя бы когда-нибудь бываешь серьезной?

– Ты же меня всю жизнь знаешь.

– Верно.

Она рассмеялась.

– Большинство женщин слышат то, что я говорю, и я не только об этом слове, и хотят заткнуть уши. «А как же романтика? – спрашивают они. – А как же любовь?» У нас может быть романтика, любовь, секс, уважение, самоуважение и полноценная работа в интересной нам области, если мы захотим. Материнство необязательно должно занимать всю нашу жизнь – оно может быть всего лишь частью жизни женщины, как отцовство у мужчин.

– Ты правда так думаешь?

– Да, если у нас будет простой и законный способ избежать беременности – помимо очевидного, конечно. И он появится благодаря таким женщинам, как Маргарет Сэнгер.

«И таким женщинам, как Сара, которая развернула в Монтгомери кампанию за права женщин», – подумала я.

– Ты потрясающая, Сара Хаардт. Мне обязательно нужно хотя бы попытаться быть такой, как ты.

– Чего же в этом интересного?

– В этом-то и загвоздка.

В конце мая я заболела бронхитом, и жестокий кашель не давал мне даже выйти из дома. В ожидании, пока отступят кашель и жар и пока Скотт напишет об обещанной ему работе в газете, я читала. Начала с «Размышлений» Марка Аврелия, которые мне дал папочка. «Хорошая пища для мыслей, – сказал он, – пока ты переживаешь болезнь. Быть может, она откроет тебе глаза на будущее».

Для такой цели эта книга не подходила – она сплошь состояла из стоических банальностей. Их все слышали, но на них ни один живой человек не стал бы ориентироваться. «Не поступай так, будто тебе жить еще десять тысяч лет. Смерть довлеет над тобой. Пока ты жив, пока это в твоих силах, поступай правильно». Этот парень мог убить любое веселье. Папочка явно именно этого и добивался.

Настоящим открытием для меня стал «Мед Плешера» Комптона Маккензи. Главный герой, Гай Хэзелвуд, напоминал поэта-романтика, кем считал себя Скотт, невеста Гая Паулина Грей была страстной женщиной, она напоминала Скотту меня. Эти персонажи были старше нас, и их обстоятельства отличались от наших, и все же, читая эту историю, я чувствовала, что живу точно такой же жизнью. Это было удивительно.

В этой книге, в главе под названием «Другое лето», мне бросилась в глаза одна строчка. Она захватила мои мысли и не оставляла меня. Друг Гая сказал о нем Паулине: «Он такой необычайный, блистательный человек! Ужасно, если в итоге он позволит себе превратиться в ничто».

Этот друг обращался прямо ко мне.

Работа в газете, куда пробовал устроиться Скотт, – можно ли считать, что это «ничто»? Скотт не хотел в это верить. Он считал такую работу способом обеспечить нам достойную жизнь в Нью-Йорке. Но это лишь капля в море. Он слишком полагался на то, что если он найдет новую работу, то сможет воплотить в жизнь остальные части своего плана. Новая работа, новая жена, время для творчества, деньги на театр и вечеринки, отличная книга, литературное призвание – видит Бог, он умрет, но добьется этого всего.

Невыполнимый план.

Глава 6

Несколько дней спустя, зайдя в холл, я обнаружила маму, говорящую по телефону с Тони.

– Я отправлю тебе деньги! – Как обычно, она почти кричала, держа трубку слишком близко ко рту.

Мама не доверяла телефонам и общалась с ними так же, как с бабушкой Музидорой, когда та уже почти потеряла слух.

– Но с этим пора заканчивать, – заявила мама. – Ты знаешь, как судья относится к мужчинам, живущим не по средствам... – Она заметила меня. – Здесь твоя сестра, хочешь поговорить с ней? – Она передала мне трубку и отошла.

– Привет, Тони, – просипела я. – Когда ты уже меня наведишь?

– О, скоро, – ответил он. (Скоро, скоро...) – Я не могу бросить проклятую работу. Если не буду всячески демонстрировать, как я бесконечно благодарен за возможность возиться в этом болоте и измерять траву, чтобы соединить трассой Монтгомери и Мобиле, полсотни безработных солдат в отставке с радостью продемонстрируют это за меня.

– Что ж, мы все здесь по тебе скучаем. Может, я приеду к тебе, как только буду уверена, что уже не заразна. Времени у меня полно.

– То есть дату свадьбы вы все еще не назначили.

– Скотт пока не определился с некоторыми деталями.

Тони невесело рассмеялся.

– Я знаю таких парней – они как местные старшие инженеры. Копшатся, улучшают что-то, пока мы все не посеем. Выходи лучше за фермера, он-то знает, что совершенства нет.

– Но ведь твои старшие инженеры просто хотят быть уверенными, что дорога получится хорошей. Верно?

– Но дороги вообще не будет, если кто-нибудь не пнет их хорошенько.

– Этого-то я и боюсь.

Ночью, когда тишину в доме нарушал только стрекот сверчков на подоконнике и пение лягушек в ветвях деревьев, я села за стол и написала письмо. Я трудилась над ним несколько часов – гораздо дольше, чем ожидала. Дважды с отвращением разрывала плоды своих усилий, пытаясь заставить себя поверить, что писать это письмо вовсе не обязательно. Затем, еще раз все обдумав, снова бралась за работу.

В итоге послание получилось коротким:

Дорогой Перри!

Как чудесно мы провели прошлые выходные в Атланте! Но боюсь, с моей стороны было чересчур нескромно принимать от тебя значок твоего студенческого братства. Во всем виноват джин. Мне больно ранить такое нежное сердце, но я возвращаю твой значок в этом конверте. Я не могу принять его, пока связана обещанием, данным другому. Однако все еще может измениться. И если так, я обязательно дам тебе знать.

Быть может, еще увидимся!

Зельда.

Я сложила письмо и значок, который выудила из ящика стола, в конверт и решительно написала на конверте адрес Скотта.

Я сидела с Сарой Мэйфилд, когда спустя неделю прибыл ответ от Скотта. Мама отправила ее в мою комнату, зная, что я уже несколько дней в дурном расположении духа, но не догадываясь о причинах.

Я слышала, как мама обратилась к Саре:

– Попробуй хоть ты ее взбодрить. Господи, ну и угрюмые же у меня дети...

Я не могла признаться маме, в чем дело – она бы начала посмеиваться, а мне стало бы совсем тошно.

Теперь Сара сидела рядом с моей кроватью, на которой я лежала, сглатывая слезы и сжимая в руке письмо.

Она похлопала меня по руке и спросила:

– Что он пишет?

Ком в горле мешал говорить, так что я передала ей письмо, которое было таким же коротким, как и мое:

«Больше не пытайся со мной связаться».

Сара прочитала его.

– Ух, похоже, ты всерьез его задела. Но ведь этого ты и добивалась?

– Угу.

– Думаю, в конечном счете он будет только счастлив. Если его книгу опубликуют и все такое.

Я вытерла глаза и кивнула.

– И если он действительно тебя любит, будет любить и после этого. Ты должна была это сделать, Зельда.

– Для его же блага.

– И для твоего тоже.

Она взяла меня за руки и заставила встать с кровати.

– А теперь пойдем, мне жарко и я хочу пить. Сходим в аптеку и купим ледяного лимонаду. Жизнь не сводится к одним только мужчинам, верно?

– В каком-то смысле, – согласилась я.

Собственная улыбка казалась мне слишком слабой, но нужно было с чего-то начинать.

Десять дней спустя Скотт стоял в нашем холле.

– Мне нужно было с тобой увидеться! – выдохнул он.

Папочка хмуро смотрел на нас из дверей библиотеки.

– Все пошло не так, – проговорил Скотт.

В каждой черте его лица читались те же тоска и отчаяние, которые пронзили меня, когда я получила его письмо. На нем был светло-коричневый костюм, в котором он явно спал этой ночью и, похоже, бежал сюда от самого вокзала. Пот градом катился по его лицу, прокладывая блестящие дорожки от лба до подбородка.

Я взяла его за руку – ладонь тоже была влажной.

– Давай выйдем, – предложила я, бросив быстрый взгляд на отца.

Пока мы шли в мамин розарий, он говорил:

– Это все я виноват – слишком затянул. Давай вернемся в Нью-Йорк вместе. Сядем на первый же поезд и поженимся, как только приедем.

Сердце бешено колотилось в груди.

«Да! Купи мне билет! Я побегу собирать вещи!»

Слова щекотали мне горло, грозясь вырваться наружу, но...

«Он такой необычайный, блистательный человек! Ужасно, если в итоге он позволит себе превратиться в ничто».

«Да, знаю», – подумала я. Но мне тоже упрямства не занимать, а он был здесь, рядом со мной, и смотрел с такой надеждой и страстью, что мне не хотелось подвести его и одновременно не хотелось позволить ему сдаться.

– Ты никогда не думал, что можно писать просто для себя? – с надеждой спросила я – эгоистично и неразумно, потому что ответ уже знала. – Найди себе стабильную работу. Ты мог бы стать банкиром, как мой зять Ньюман.

– Я не могу. – Скотт покачал головой.

– Почему? Зачем обязательно быть писателем?

– Это единственное, что я умею. У меня нет других талантов или навыков.

– Их можно развить.

– Нет, нельзя. Ты не понимаешь! Я из рук вон плохо справлялся в армии. Из меня вышел худший адъютант в истории человечества. Я не могу управлять конторой. Не умею руководить людьми. Ни черта не смыслю в цифрах. Слишком нетерпелив для административной работы – знаешь, какие идиоты возглавляют эти компании? Но неважно. Все это неважно. Если ты будешь встречать меня дома каждый вечер... Ты будешь вдохновлять меня. Уже вдохновляешь. Я стану работать намного лучше, если мне не нужно будет беспокоиться о тебе.

Какие романтические слова! Если бы эта сцена разыгралась в грошовом романе или в фильме, героиня с трепещущим сердцем рухнула бы в объятия героя. «Пусть решает судьба!» – воскликнула бы она, теряя сознание. Видимо, я не из тех, кто теряет сознание, потому что понимала: Скотт сам себе выписал лекарство.

«Я стану работать намного лучше, если мне не нужно будет беспокоиться о тебе».

Я уже поняла: он совершенно прав – только не в том смысле, как ему казалось. Он никогда не откажется от своих целей – разве появление здесь не служило подтверждением его почти карикатурному упрямству? Но если не откажется от одной из них, то не достигнет ничего.

– Знаешь, – я тяжело сглотнула, – мне кажется, наша любовь себя исчерпала. Нам обоим пора двигаться дальше.

Его рот сам собой раскрылся.

– Да о чем ты говоришь? Просто... Просто потому, что я не стану кем-то другим, кем-то, кого одобрил бы твой отец, кем-то бездушным и бессмысленным, и все – ради хорошего заработка?

– Если тебе угодно так это понимать, – пожала плечами я.

Ох, что сделалось с его лицом! Жуткое зрелище. Мне казалось, еще немного, и из его глаз вырвется пламя, волосы вспыхнут и он взорвется на месте.

Когда Скотт снова обрел дар речи, он обрушился на меня с обвинениями: я водила его за нос, я эгоистична и не желаю поступиться комфортом ради скромной, но честной жизни, которую он мне предлагал. Скотт ткнул в меня пальцем.

– Не нужно было доверять девчонке вроде тебя. Ясно, что все это время ты мне лгала.

Я снова пожала плечами и сказала, что ему пора идти.

– Зельда... – снова попытался начать он, такой сердитый, такой растерянный.

Я не могла больше оставаться и терпеть это. Еще немного, и я бы сломалась, и что бы тогда с нами стало? Я ушла, высоко подняв голову, выставив подбородок вперед. Только оказавшись в безопасности собственной спальни, позволила себе разжать кулаки и расцепить зубы. Я не выходила еще много часов – мерила шагами пол, рыдала и все больше убеждалась, что поступила неправильно. Я хотела, чтобы он начал ломиться ко мне в дверь, требовать, чтобы я сбежала вместе с ним. И в то же время такие мысли приводили меня в ужас.

Но он не вернулся. Когда от рыданий осталась только икота, а потом и просто вздохи, я приняла ванну, умылась и приступила к своему делу – быть одинокой, разбитой, почти девятнадцатилетней девушкой из Монтгомери.

Так продолжалось до октября, когда в один прекрасный день я пришла домой и обнаружила, что меня дожидается телеграмма:

МИСС ЗЕЛЬДЕ СЕЙР
ПЛЕЗАНТ-АВЕНЮ 6, МОНТГОМЕРИ, АЛАБАМА
ДОРОГАЯ СКРИБНЕРС ОПУБЛИКУЮТ МОЙ РОМАН
ДОЛЖЕН УВИДЕТЬ ТЕБЯ ПРИЕДУ ЧЕТВЕРГ. СКОТТ

Когда мы увиделись, он рассказал, что тем летом ушел с работы, вернулся домой в Сент-Пол и бросил все силы на переработку романа. В сентябре отправил рукопись в «Скрибнерс». Следующей весной они опубликуют «По ту сторону рая» – ту самую книгу, с которой все началось.

Глава 7

Когда в январе Скотт снова навестил наш городок, он снял комнату в гостинице в самом отдаленном от нашего дома квартале. Объяснения были ни к чему – я прекрасно понимала, что у него на уме. Понимала и, так же как и он, сгорала от нетерпения.

Сумеречным зимним вечером я переделалась из шерстяного платья в зеленое, в котором щеголяла в день своего восемнадцатилетия. Под платьем у меня было только белье – купленная накануне шелковая рубашка цвета слоновой кости.

«Наша помолвка нерушима, – сказала я сама себе. – Почему бы не сделать следующий шаг?»

Мы решили подождать со свадьбой до весны, чтобы у Скотта было время сделать последние штрихи в своем романе и закончить сборник рассказов, которые он надеялся продать. Аванса, полученного за книгу, даже близко не хватало нам на жизнь. Но Скотт нанял литературного агента. Завоевал доверие. Он написал моему отцу, уверяя, что все двери для него теперь открыты и мы не будем жить на рыбных консервах и бобах, что он сможет обеспечить нам надежную крышу над головой.

«Все будет хорошо. Он любит меня. Я ничем не рискую».

Укутанная темнотой и тяжелым бесформенным плащом, с шарфом бабушки Музидоры на голове, я отправилась к нему в гостиницу. Он встретил меня у парадных дверей.

– Тетушка Мирна! – воскликнул он специально для портье. – Как замечательно, что вы пришли! Я принес ужин, мы можем поесть у меня в номере. Пойдемте же, наверняка вы умираете от голода!

Я заковыляла рядом с ним, опустив голову, чтобы не было видно лица.

– Какой вы молодец, предугадываете все желания бедной старой тетушки Мирны, – проскрипела я.

Скотт закашлялся.

– Вот увидишь, – сказал он, когда мы подошли к лестнице, – я подготовил для тебя столько всего хорошего!

Когда Скотт провел меня внутрь, я подумала, что эта комната очень подошла бы моей бабушке. Окна закрывали оборчатые занавески. Стул и кушетка были украшены вязаными салфетками. На узкой кровати лежало красивое, но старомодное одеяло. Вся мебель была изношенной, будто ее скупил в старых поместьях, чтобы дать ей вторую жизнь здесь, в гостинице.

Скотт притянул меня к себе. Мне показалось или на его губах я ощутила вкус бурбона?

– Не нальешь выпить своей девочке? – спросила я.

– Волнуешься?

– Нет. Да. Нет, – все же решила я. – Не волнуюсь... Просто... Это такой переломный момент. Такое ощущение, будто мы с тобой... будто мы – какое-то новое существо, только что появившееся на свет... В мире нет никого, похожего на нас, и нам нужно самим узнавать заново каждую мелочь. Но это же глупости, да? Люди уже миллионы лет влюбляются и проделывают все, что следует за этим.

Скотт прижался своим лбом к моему.

– Это вовсе не глупо. Это действительно переломный момент. – Он снова поцеловал меня. – Давай я налью тебе выпить.

Бурбон прекрасно справился со своей задачей, и вскоре Скотт уже восхищался моей новой рубашкой – сперва глазами, затем руками, затем отодвинул ее, чтобы добраться до местечек, которым он хотел выразить восхищение губами. Я тоже восхищалась им.

Мы не спешили. Поначалу все было немного неловко – я хихикала, он шикал на меня и тут же сам заливался смехом. Обнаженная кожа прижалась к обнаженной коже, мы переплелись и наконец слились воедино так, как было задумано самой природой. Когда Скотт зарылся лицом мне в шею, двигаясь внутри меня, из моей головы исчезли всякие мысли. Осталось только ощущение, глубокое и первобытное, которого я не ожидала, не знала даже, что оно существует.

И хотя наш первый раз продлился лишь несколько безумных минут, он однозначно доказал, что нас со Скоттом связывает что-то исключительное, что-то, чему мы оба не могли сопротивляться. К счастью или к несчастью, но в этот момент эти чувства определили весь дальнейший ход моей жизни.

Скотт снова приехал в феврале. И снова я отправилась в его гостиницу – тайно, но охотно. Не помню, чтобы мы успели вымолвить что-то, кроме приветствий, прежде чем раздеть друг друга и рухнуть в постель.

После я сказала ему, что, возможно, беременна.

– Ты никак не можешь узнать об этом в тот же миг, – рассмеялся он.

– Я имела в виду – с прошлого раза.

Он уставился на меня.

– Что ж, думаю, нам обоим следовало этого ожидать. Хотя отцовство... – Он покачал головой. – Я и не думал, что это может произойти так легко. Но это не значит, что я не хочу детей.

– Я тоже.

– Просто кажется, все происходит ужасно быстро. – Он подвинулся, чтобы присесть, и зажег сигарету.

Я тоже села и подтянула простыню, чтобы прикрыть нас обоих.

– Да, так оно и есть.

– Слишком быстро. Есть способы... разобраться с такой ситуацией. Ты знаешь про... ээ... лекарства? Специальные таблетки и все такое.

– Конечно.

Сестра Таллу, Юджиния – Джин – рассказала об этом мне и другим девушкам, как и о многих других непристойных вещах, которые мы без конца просили повторить. Я узнала много важного. Чтобы предотвратить беременность, существовали специальные травяные отвары и растворы для наружного применения. Ни один из них не давал стопроцентной гарантии, и ни один из них я даже не собиралась пробовать. Как и Скотт, я считала, чтобы забеременеть, понадобится больше одной попытки. В конце концов, у Марджори на это ушли годы, и Тутси, похоже, шла по тому же пути.

А чтобы избавиться от беременности, рассказывала Джин, существует другой вид травяных настоев и специальных растворов, а также множество разнообразных таблеток, которые, если верить объявлениям, обещали «спасение для женщин». Никто из моих знакомых девушек не пользовался этими средствами, но все говорили о них. Мы сходились во мнении, что определенному типу женщин в определенных ситуациях они принесут большую пользу. Например, по-настоящему бедным женщинам, у которых уже есть дети. И, конечно, проституткам.

– Значит, так и поступим, – сказал Скотт.

– Постой! Во-первых, я еще даже не была у доктора...

– Лучше, если год-другой мы будем предоставлены самим себе. Мне правда нужно время, чтобы встать на ноги. Ребенок в доме... Не могу представить, как я смогу сосредоточиться.

– Конечно, но ведь рано или поздно мы все равно их заведем...

– Рано или поздно, надеюсь, я смогу позволить себе нанять няню и любую прислугу, какую ты захочешь. Но это произойдет, когда напишу больше произведений и продам их. Ты же понимаешь.

– До появления ребенка в любом случае еще семь или восемь месяцев, – пробормотала я. – И потом, новорожденные спят почти все время. Так что у нас еще по меньшей мере год. Скотт покачал головой.

– Если не смогу писать, не смогу зарабатывать деньги, а если не буду зарабатывать деньги, мы не сможем претворить в жизнь наши планы. Все деньги, которые я уже заработал, уйдут на ребенка. Я потом и кровью заработал мое нынешнее место, Зельда. Ты должна все разрешить. Сейчас нам это не нужно.

– Я знаю, ты тяжело трудился. Но целого года должно быть...

– Зельда. – Он повернулся ко мне. В его глазах решимость смешалась со страхом. – Я подошел так близко. До всего, чего хотел в этой жизни, рукой подать. – Он протянул руку, будто все его мечты и правда покачивались перед ним, словно яблоко на ветке. – Мой отец был неудачником, – продолжал он, выбираясь из постели и натягивая белье. – Когда он потерял работу в Баффало, нам пришлось переехать в Сент-Пол, и на плаву нас поддерживало только милосердие маминых родственников. Мы жили в роскошном особняке, делали вид, что обеспечены не хуже богатых соседей, но все это было фарсом. – Скотт налил нам обоим выпить и протянул мне мой стакан. – Я не могу остановиться в шаге от успеха. Не могу подобраться так близко к жизни, за которой наблюдал в окно, как девочка со спичками, и позволить ей растаять, как мираж. Когда вернусь в Нью-Йорк, посмотрю, какие есть события, и мы решим этот вопрос. Ты ведь понимаешь, да?

– Наверное.

Лекарство пришло неделю спустя, завернутое в бумажный пакетик и вложенное в конверт. Маленькие, бледно-желтые таблетки казались безобидными, словно аспирин. Как просто было бы проглотить их и больше не думать об этом – к тому времени, когда действие проявится, уже поздно будет о чем-то спохватываться, останется только жалеть. Секунду я подержала их на ладони, а затем ссыпала обратно в пакетик, спрятала под матрас и спустилась на первый этаж.

Во внутреннем дворике я пролистала несколько нотных тетрадей, отказалась от джазовой мелодии, над которой работала, от любимых песенок моего отца, таких, как «Дикси» и «В бой», которые часто играла, когда хотела привлечь его внимание и заставить улыбнуться. Затем мой взгляд упал на «Танец часов». Я поставила ноты на пюпитр и начала играть.

Как все было просто в тот вечер, когда я танцевала под эту музыку... Как легко... Не было ничего, кроме смеха и чар обаятельного офицера в новенькой парадной форме. Теперь все спуталось в клубок надежд, обстоятельств и переплетений двух судеб.

«Счастье Скотта – мое счастье, – подумала я. – Отныне и вовеки веков, аминь».

Но... Если я приму таблетки, если прерву беременность просто потому, что так удобнее, разве мы не признаем, что наши отношения – это грязно и неправильно? И что я ничем не лучше шлюхи?

С другой стороны, если рожу ребенка и после этого мы продолжим влачить жалкое существование, Скотт не перестанет негодовать до конца жизни. И что это за жизнь?

Но мы не будем влачить жалкое существование, в этом я была уверена. Он излишне драматизировал...

– Зельда, ради всего святого! – крикнула мама из библиотеки. – Незачем так колотить по клавишам!

– Извини, мама!

Я никогда не шла на компромисс в важных вопросах, черт возьми. Я вбежала в дом, поднялась в свою комнату, а затем вернулась в гостиную и бросила пакетик в камин.

Если нам повезет, через несколько дней вопрос решится сам собой. Я написала Скотту: «У нас все складывается благополучно, и это – очередной знак».

И я сама в это верила. Да и кто бы не поверил, если примерно с того момента все, что Скотт написал в прошлом году, стало обращаться в золото?

– Значит, его роман скоро опубликуют, – сказал папа. Мы сидели в гостиной, обсуждая с мамой мое приданое. – Молодец парень, но это не настоящая работа. Когда еще у него получится продать следующую рукопись, и на что вы будете жить до этого?

Я объяснила, что Скотт начал продавать свои рассказы.

– «Сатедей ивнинг пост» купили рассказ «Голова и плечи» за четыреста долларов. Он им так понравился, что они заплатили девять сотен аванса еще за два.

Папу, казалось, и это не впечатлило, так что я продолжила:

– А если добавить к этому то, что Скотт получил за роман, получается сумма, которую он бы заработал за два года на прежней работе. И у него есть целая стопка готовых рассказов.

– Мне все это не нравится, – пожал плечами папа. – Это не план, а слепой случай. И когда удача окажется не на него стороне...

Его прервал стук в дверь, и через мгновение в гостиную вошла Кэти с телеграммой для меня.

Я быстро развернула листок, прочитала короткое сообщение и издала победный клич.

– А что ты на это скажешь: студия «Метро» заплатит две с половиной тысячи долларов за права на экранизацию «Головы и плеч»!

Для девушки, которая нуждалась в неопровержимом доказательстве, что отец кругом неправ, лучше и придумать было нельзя. Я танцевала по гостиной, размахивая телеграммой, и меня ничуть не заботило, что папа вышел, кипя от негодования.

В конце той же недели я сидела у себя в комнате и работала над собственным рассказом, когда в комнату вошла мама с небольшой посылкой в руках. Я была рада поводу отвлечься – рассказ, который Скотт убедил меня написать, зашел в тупик. Я могла дать подробнейшие описания вымышленных персонажей, но не могла заставить их делать хоть что-то интересное.

– Только что пришло на твое имя, – сказала мама.

Развернув простую коричневую бумагу, я обнаружила плоскую квадратную коробку, а внутри нее – еще одну коробочку, обитую бархатом, с крышкой на петлях. Я подняла крышку и ахнула.

– Господи! – воскликнула мама.

Это были часы. Таких я раньше не видела. Узкий прямоугольный циферблат обрамляла дорожка из квадратных бриллиантов. Алмазный браслет, на котором держались часы, извивался причудливым, почти растительным узором.

Я вытащила часы. Под ними обнаружилась карточка, на которой Скотт написал: «Для нашей свадьбы – новенькая мелочь, чтобы не нарушать традицию».

– Какие тяжелые!

– Думаю, они платиновые, – заметила мама.

На обратной стороне было выгравировано: «Зельде от Скотта». Я снова и снова вертела их в руках, восхищаясь формой, мерцанием, самим их существованием.

– Детка, ты хоть представляешь, что это за расточительство? Они, должно быть, стоят несколько сотен долларов. Ему не следовало так тратить деньги, это безответственно. Сейчас нужно откладывать сбережения.

Я надела часы на руку.

– Я знаю, как это выглядит со стороны. Но Скотт уже много зарабатывает, а книга еще даже не вышла в свет. Он ищет свое место под солнцем. Дальше будет только лучше.

Все, что он обещал, сбывалось.

Мама вздохнула. Она внезапно показалась мне очень дряхлой, будто за год постарела на десять лет. Ее волосы приобрели стальной серый оттенок, кожа выглядела дряблой и очень бледной – гораздо бледнее, чем просто от зимней нехватки солнца. Мама не казалась больной, просто уставшей и измотанной. Я почувствовала, что могу не обращать внимания на то, что она говорит – что может такая старая женщина знать о современной любви и жизни?

– У нас все иначе, мама. Мы не собираемся соблюдать старые правила.

Она снова вздохнула.

– Честное слово, не знаю, завидовать твоему оптимизму или пожалеть тебя.

Я сняла часы и перевернула их, чтобы взглянуть на гравировку, снова перевернула, чтобы полюбоваться на бриллианты, и краем глаза заметила папу, стоящего в дверях.

– Когда новизна выветрится, – сказал он, и у меня сложилось впечатление, что он говорит не просто о часах, – можешь продать их, чтобы заплатить первый взнос за дом.

Глава 8

– Подумать только! – воскликнула Элеанор накануне моего отъезда. – Нью-Йорк! Ты могла хотя бы вообразить такое?

На дворе стояло 1 апреля 1920 года, моя свадьба была назначена на 3 апреля, накануне Пасхи и через неделю после выхода романа «По ту сторону рая». Мы с Элеанор сидели по-турецки на ковре в моей спальне, и я училась курить более изысканно. Вдоль стены стояли три новых сундука, наполненные тем немногим, что я забирала с собой в замужнюю жизнь: одежда, белье, туфли и книги, несколько фотографий и коробка памятных безделушек, мои дневники и моя старая кукла Элис.

– Приподними подбородок чуть выше, – велела Элеанор.

Я послушалась.

– В Нью-Йорке будет грандиозно. Скотт зарезервировал нам номер в отеле «Билтмор» на наш медовый месяц, – я протянула Элеанор рекламное объявление, которое Скотт вырвал из журнала и прислал мне.

Она прочитала:

– «Билтмор – это центр международной светской жизни Нью-Йорка». Стало быть, самое то для тебя.

– Он сказал, что в Монтгомери нет ничего даже отдаленно похожего. Там останавливаются миллионеры.

– Вы можете заказывать все в номер.

– И плавать в крытом бассейне! – добавила я. – И он говорит, что на двадцать втором этаже есть бальный зал. Двадцать два этажа! И это еще далеко не самое высокое здание! Крышу открывают, когда на улице тепло, и можно есть прямо под звездами.

Элеанор потеряла дар речи.

– И я увижу «Безумства». – Я изящно затынулась.

– И статую Свободы!

– И небоскребы!

– И ты будешь женой знаменитости!

– Не такой уж знаменитости – по крайней мере, не сразу. Его книга вышла всего несколько дней назад.

– Ну что ж, тогда просто красавчика, а потом и знаменитости – как только пройдет достаточно времени, чтобы люди узнали его имя. Не успеешь оглянуться, и можно будет добавить к описанию слово «богач», и все будут говорить: «Наконец-то нашелся мужчина, достойный нашей Зельды». А теперь еще раз покажи мне часы.

Я распрощалась с родителями в холле дома. Никто не говорил о том, что они не едут со мной и почему. Мама и папа вообще почти не разговаривали, только «Береги себя» и «Напиши нам, как сможешь».

Дело в том, что отец уже сказал перед этим:

– Мы считаем, что ты приняла неверное решение, и не будем его поощрять. Выходи за него, если думаешь, что хочешь этого, – мы не можем тебе помешать. Но мы не будем стоять рядом и смотреть, как это происходит.

Мама просто сидела рядом, пытаясь быть стойкой, и слезы катились по ее щекам.

Всеми приготовлениями занимался Скотт, с помощью Тутси и Ньюмана, которые теперь жили неподалеку. Нашим родителям не было отведено роли, да и братьям с сестрами тоже. Скотт и своим родителям и сестре сказал, чтобы те оставались дома. Мои сестры участвовали в основном потому, что Марджори было удобно отправиться вместе со мной

на поезде, а Тутси и Тильде, которые тоже переехали в Нью-Йорк, добраться до Манхэттена. Все трое нечасто выбирались туда и могли сполна насладиться поездкой, у Марджори появилась возможность познакомиться с городом. А большего и не требовалось. Большого никто и не хотел.

Мне уж точно не нужен был дополнительный присмотр. Как я ни предвкушала отъезд, о разлуке с домом не думала ни минуты. Я вполне могла бы вылететь из дома через распахнутую дверь, не сказав даже формального «до свидания».

Все мои друзья устроили мне на вокзале неожиданные проводы. Тут мы дали волю эмоциям, и они посадили меня в поезд в вихре поцелуев, слез и цветов. Я обнимала всех по очереди, шутила направо и налево, раздавала советы, непрестанно вытирая глаза, и обещала, что уезжаю не навсегда – если только Элеанор и обе Сары вообще меня отпустят.

Как только мы устроились в нашем спальном вагоне, я начала потихоньку расслабляться. Паровоз, пыхтя, отошел от станции, за нами развернулась вся панорама Монтгомери. Я глубоко вдохнула, выдохнула и откинулась головой на спинку сиденья. Блестящий, новенький вагон казался очень современным по сравнению с обитыми плюшем старичками, в которых мы ездили до того, как правительство отписало все поезда на военные нужды. Теперь появились шторы на окнах и система вентиляции. Ковер был простым, без узоров, на смену старым стеганым сиденьям пришли новые, гладкие.

«Долой старое, – подумала я, – и вперед к новому».

– Наверное, для тебя поездка станет настоящим приключением, – сказала я Марджори, которая, похоже, все еще не могла отойти от суеты на станции. Она часто казалась потрясенной, всем своим видом показывая, что ей было бы спокойнее оставаться затворницей в своем простом домике – шить, читать, готовить и заботиться о своей дочке Нуни.

– Да, жду не дождусь, когда увижу Нью-Йорк. Тутси говорит, он грандиозный.

– Конечно, вы простите нас, если мы со Скоттом не будем участвовать в ваших экскурсиях.

Марджори улыбнулась.

– Медовый месяц – достойное оправдание. Итак, детка, я знаю, что у тебя с мальчиками гораздо больше опыта, чем было у меня в твоём возрасте...

– Как и в любом другом, – поддразнила я. – Папочка сказал: «Выходи за этого отличного малого Бринсона», а ты ответила: «Да, сэр».

– Это немного упрощенный взгляд. Но так или иначе, есть вещи, которых ты, возможно, не знаешь, но должна узнать перед первой брачной ночью.

– Тебе мама поручила этот разговор?

– Я сама вызвалась, но она согласилась, что это разумно.

– Уж конечно. Она сама, наверное, уже позабыла, что вообще происходит с девушкой в первую брачную ночь.

– У тебя и впрямь по жилам течет кровь с перцем. В кого бы это?

– Наверняка в Мэхенов. Сейры – угрюмая шайка. А вот мама была очень бойкой, пока папаша не посадил ее на поводок.

– Отцы должны присматривать за дочерьми, это их долг.

Я поразмыслила над ее словами. Наш отец неукоснительно следовал долгу, как и отцы моих друзей. Кто-то помягче, кто-то – строже, но каждый из них был безоговорочным главой семьи. На ум приходило только одно исключение: семья Элеанор Браудер, в которой, судя по всему, что я видела, оба родителя были в равной степени у руля. Миссис Браудер никогда не игралась с полуправдами, как все другие матери, в том числе моя. В этом не было необходимости.

Вообще-то, порой поведение миссис Браудер приближалось к возмутительному. Однажды, когда я была в гостях у Элеанор, она сказала, что хотела бы оказаться на нашем с

Элеанор месте и если бы не возраст и ее нынешний долг, выступала бы за право голоса для женщин и распространяла брошюры Маргарет Сэнгер в домах среднего и высшего класса. Она считала, что в этих домах должны знать реальность жизни.

– Эти женщины почему-то верят, что только бедняки страдают венерическими заболеваниями. А я могу назвать с полдюжины наших соседок, которые лечились от «женского недомогания», а на самом деле от гонореи, которую получили от своих неверных мужей, заразившихся в публичном доме!

– Мама, Господи помилуй!

Мы, девочки, необязательно возражали против подобного прогресса. Скорее, он нас просто не волновал. Далекие от политики, мы были молоды, красивы и популярны. Ни у кого не возникало желания стать феминисткой, которой мечтала быть миссис Браудер, что огорчало и разочаровывало бедную женщину.

– Но тебя-то судья никогда не третировал. Тильда говорит, ты была идеальным ребенком, – обернулась я к сестре.

– У меня в жилах течет холодная вода. Иногда слишком холодная. – Сестра нахмурилась. Мама говорила, у Марджори случались приступы хандры, она по нескольку дней не вставала с постели. Я же страдала только приступами гнева, которые обычно длились не больше нескольких минут, хотя иногда растягивались на пару часов. Тутси была «себе на уме, но в конце концов одумывалась». Тони был «чувствительным». Только Тильда удостоилась лестной характеристики – она была «исполнительным ребенком».

– Так что ты говорила? Про брачную ночь...

– Ты должна знать: есть так называемый «супружеский долг», который ты будешь выполнять вначале в первую ночь, а затем, в зависимости от мужчины, чаще или реже на протяжении всего брака. Его цель – производство потомства, но многие пары верят, что этот процесс... приносит наслаждение. – Она залилась краской. – Особенно приятным этот процесс находят мужчины, поскольку их тела устроены... ну, более подходящим для этого образом.

Я широко распахнула глаза и притворилась, что с трепетом внимаю наставлениям Марджори, которая описала мужские гениталии и их реакцию на возбуждение, затем рассказала, что мужчина делает с этими возбужденными гениталиями и как на это должна реагировать женщина. Наконец она замолчала и посмотрела на меня.

– Просто завораживающе! – воскликнула я и поджала губы, пытаюсь скрыть улыбку.

На лице Марджори отразилось понимание.

– Ах ты чертовка! Ты все это уже знала, да?

– Но мне никогда не рассказывали об этом так подробно.

– Острый перец, – покачала головой Марджори.

Часть 2

Юность всегда сон, особая форма безумия.
Ф. С. Фицджеральд

Глава 9

Ничто не может подготовить непосвященных к подлинному Нью-Йорку. Сколько бы Скотт ни рассказывал мечтательно о Манхэттене, о Бродвее и Ипподроме, о готическом величии здания Вулворт – самого высокого здания в мире! – сколько бы ни уверял, что у этого города есть душа, что он сам себе закон, все это не смягчило моего состояния, близкого к шоку, когда я впервые вышла из поезда на вокзал Пенсильвания.

Последнюю часть пути мы с Марджори преодолели ночью. У нас было просторное купе с удобными полками для сна, но мне все равно снились странные сны. В самом ярком из них я умела летать. Парила над огромными полями сиреневого индейского табака, повторяя раз за разом «лобелия инфлата», и боялась, что не успею на экзамен по ботанике. Я взмывала над невероятно высокими соснами, которые чуть царапали мои обнаженные груди и живот нежным эхом прикосновения. Чтобы взлететь, достаточно было встать на цыпочки, раскинуть руки и, согнув колени, подпрыгнуть вверх. Один маленький прыжок, и я свободна. Теплый воздух плескался вокруг меня, словно успокаивающая вода в ванной.

Утром я проснулась в растерянности и так и не избавилась от этого чувства.

Из-за трехчасовой задержки где-то в Нью-Джерси, к тому времени, когда поезд прогрохотал через тоннель под рекой Гудзон и остановился на вокзале Пенн, до свадьбы оставался всего час, и мы уже опоздали на встречу со Скоттом и священником.

Мы вышли на огромную платформу, залитую солнечным светом, сочащимся сквозь стеклянную крышу, и замерли в немом восхищении. Мимо нас струился поток пассажиров. Меня завораживали стальные подпорки, поднимающиеся вверх, вверх и вверх – к стеклянным панелям и ослепительно-голубому небу за ними. Стеклянный потолок, от которого нас отделяло, должно быть, больше сотни футов, был аккуратно разделен красивыми стальными арками на прямоугольные панели. В Монтгомери есть несколько внушительных зданий, но они даже близко не могли сравниться с этим.

Все еще глядя вверх, я потянула Марджори за рукав.

– Тебе за завтраком не попадался пузырек с надписью «Выпей меня»?

– Я не заметила никаких пузырьков... А, ты хочешь сказать, как в «Алисе в Стране чудес»?

– Мм, – невнятно ответила я, оглядываясь. – Спорим, где-то здесь есть белый кролик?

– Похоже на гигантскую теплицу.

– Похоже на небесный автопарк. Такое место могли построить только ангелы, тебе не кажется?

Вслед за последними из наших попутчиков мы поднялись по лестнице в зал, где пространство разворачивалось – распахивалось, будто взрываясь, – в самый большой атриум, какой я когда-либо видела или могла вообразить. Повсюду металл, стекло, арки... Потолок, казавшийся бесконечным, мог бы укрыть под собой целый городок. От великолепия кружилась голова.

– Все механизмы в моей голове вращаются с дикой скоростью и разлетаются на пружинки, – призналась я.

Марджори только кивнула. Мгновение спустя она взяла себя в руки и сказала:

– Нужно было позволить Тутси и Ньюману, чтобы встретили нас.

Мне тоже было не по себе, но я знала: худший способ усугубить ситуацию – это поддаться на беспокойство Тутси.

– Скотт говорит, взять такси довольно просто. Сюда приезжает столько туристов, что таксисты дни напролет стоят здесь в очереди.

– Это просто только когда не чувствуешь себя Алисой в Стране чудес. Одно это здание могло бы быть целым городом.

Марджори подошла к шикарно одетой женщине и спросила, как быстрее пройти на стоянку такси.

– Через главный зал ожидания, – ответила та, бросая взгляд на огромные часы за спиной у Марджори. – Вы увидите выходы – там есть таблички – и снаружи будет очередь на такси. Вы, наверное, здесь впервые?

– Да. Моя сестра венчается в соборе Святого Патрика в полдень.

Брови женщины взлетели едва ли не до линии волос, и я подумала, может ли она как-то понять, что я не католичка.

– Мой жених уладил все со священником, – подала я голос.

Она озадаченно посмотрела на меня и затем обратилась к Марджори:

– Что ж, поверните налево или направо. Как только окажетесь в главном зале – не тратьте полдня, чтобы пробиться на Седьмую. И я бы на вашем месте поступила так: назовите таксисту адрес с самым скучающим видом, будто вы уже с полсотни раз это делали. Если он решит, что вы приезжие, – не отпустит, пока не объедет весь город.

Мы последовали ее совету: вышли из атриума и прошли по коридору в главный зал ожидания. Даже размер коридора не укладывался в голове – тридцать футов в ширину и пятьдесят в высоту, сплошные каменные своды и ответвления других коридоров. Мы словно оказались во сне, еще более странном, чем те, что снились мне этой ночью. Я была Алисой или Джеком, который, устав карабкаться по бобовым стеблям, на этот раз решил путешествовать поездом. Это чувство только усилилось, когда мы оказались на лестнице, спускающейся к залу ожидания.

Просторный, залитый солнцем зал был покрыт куполом – я и предположить не могла, насколько высоки потолки – и сложен из огромных блоков розового камня, такого же, что и в нижних стенах атриума. Он был никак не меньше футбольного поля. Прямо сквозь него проходил ряд фонарей, которые казались до смешного маленькими в этом гигантском пространстве. В дальнем конце зала виднелись огромные полукруглые окна из квадратных стеклянных панелей. Во все четыре стороны поднимались лестницы.

– Даже в самых безумных фантазиях... – начала я.

– Уже двенадцатый час, – перебила меня Марджори. – Нам нельзя задерживаться. Налево или направо?

– Как ты можешь быть такой практичной?

– У тебя важное событие!

– Скотт поймет, если мы опоздаем по такой причине. В конце концов, все это – часть предложения, которым он выманил меня из Монтгомери.

Мы вошли в зал и уже направлялись к лестнице, ведущей к выходу, когда я снова оставалась.

Я запрокинула голову, чтобы увидеть потолок с этой точки. Кто вырезал все эти шестиугольники, концентрически сходящиеся к центру, которые покрывали весь потолок? Кому хватило таланта вытесать эти гигантские колонны? Как он это сделал? Где мастера нашли достаточно рабочего места, чтобы выбить коринфские завитки и листья, украшающие капители колонн?

Если бы Марджори не взяла меня за руку и не сказала: «У тебя свадьба всего через час, не забыла?» – я бы, возможно, легла прямо на пол, чтобы сполна насладиться зрелищем.

О, а что ждало нас снаружи! Здания, люди, шум моторов, свист и голоса, суета автомобилей, проносившихся мимо нас! Я бросила взгляд на сестру, она казалась напуганной.

– Возможно, я никогда отсюда не уеду, – рассмеялась я.

На пути к кварталу, где находился собор Святого Патрика, я пожирала глазами каждое высокое здание и каждую соблазнительную витрину. А когда показался сам собор, у меня захватило дух от его замысловатых витражей – изысканных произведений искусства.

Но когда перед нами оказались двери и шпили, мои глаза наполнились слезами. Я никогда не видела здания настолько изысканного и безмятежного одновременно. Этот образ – сложная архитектура, изящные, резные башни с замысловатыми узорами, возвышающиеся над улицей, состоящие из шпилей поменьше, на каждом из которых был крест... Я просто не могла нормально вдохнуть.

Сама мысль о том, чтобы выйти замуж в этом соборе, казалась ошеломляющей, но в то же время логичной, ведь и наш союз был необыкновенным. Скотт не обычный жених. Но как же ему удалось организовать такое?

Тротуар заполнили туристы, прогуливающиеся вокруг собора.

– Интересно, – произнесла Марджори, – здесь всегда так или это потому что завтра Пасха?

Я заметила Скотта на вершине широких ступеней – он ждал в компании Тутси, Ньюмана и двух незнакомых мужчин – и выскочила из машины еще до того, как Марджори открыла сумочку, чтобы достать деньги. Скотт сбежал вниз на тротуар и сгреб меня в объятия.

– Моя дорогая девочка, невеста моя! У нас получилось, мы прорвались! Ты можешь в это поверить? Что ты думаешь?

– Это чудесно! – Я отстранилась и улыбнулась ему. Его глаза стали совсем зелеными и искрились радостью и гордостью. – Ты только посмотри на себя. Мой муж – писатель.

Он расцвел.

– Мне сказали, продано уже почти десять тысяч. И рецензии пока что чертовски хорошие. Некоторые критики даже называют мою работу гениальной. Они ставят меня в один ряд с Байроном и Кипплингом! – Его голос чуть сорвался: – Здесь, сейчас, с тобой я на вершине мира.

– Я так счастлива за тебя, милый.

– Это все благодаря тебе. – Он расцеловал мои руки. – Потому что я должен был получить тебя.

Марджори присоединилась к нам, и все остальные тоже спустились на тротуар.

– Святой отец, – обратился Скотт к священнику, – хочу представить вам мисс Зельду Сейр и ее сестру Марджори Бринсон. Дамы, это отец Мартин. Сегодня он окажет нам эту честь.

– Я в восхищении, дамы.

– Рада познакомиться.

Я прищурилась, чтобы лучше рассмотреть портик со сводчатой крышей, увенчанный двумя каменными шпилями, расположенными друг за другом. Всюду, куда дотягивался взор, шпили устремлялись прямо в небеса. Наверное, такой и была задумка.

– Это самая удивительная церковь, какую я когда-либо видела, – призналась я, все еще не опуская глаз. – Сколько же на ней крестов, как вы думаете? – Я снова посмотрела на священника и улыбнулась. – Она потрясающая. Я ощутила внезапное желание перейти в католичество.

– Полагаю, это можно организовать.

– Нам сказали, – подал голос Ньюман, – что высота самого высокого шпиля – триста тридцать футов.

– Практически дверь в небеса, – пошутила Тутси, обнимая меня. – Ты просто светишься, сестричка.

На мне был костюм цвета вечернего неба, к которому я приколола белую орхидею, заказанную Скоттом у флориста в Монтгомери. Мне сказали, что она продержится ночь. И она продержалась. Моя шляпа была сшита из той же ткани, что и костюм, и украшена серой кожаной лентой с серебряной пряжкой. Я надела туфли в тон и чувствовала себя, как я сказала Элеанор, когда примеряла костюм, «настоящей леди – и это самый лучший образ, который мне доводилось примерять в своей жизни».

Скотт обернулся к мужчине, стоящему рядом с ним.

– А этот парень – Ладлоу Фаулер.

Ладлоу кивнул Марджори и взял меня за руку.

– Знаете, Фитц только о вас и толкует. Слава Богу, вы наконец-то здесь. Может, теперь он прекратит докучать нам и вместо этого прожужжит вам все уши про ребят из Принстона.

– Можно подумать, на вашу шайку стоит тратить дыхание, – усмехнулся Скотт.

– Теперь нужно дожидаться только Тильду с Джоном, – объявила Тутси. – Со всеми этими приготовлениями в последнюю минуту остается только надеяться, что она не перепутает дни и придет сегодня, а не в понедельник.

Скотт посмотрел на часы.

– Нужно было отправить за ними машину. – Он повернулся ко мне. Сейчас он чем-то напоминал жеребца на скачках, ждущего, когда прозвучит сигнал к старту. – Магазин «Скрибнерс» всего в двух кварталах отсюда. Жду не дождусь, когда я покажу тебе книгу. Если хочешь, можем отправиться туда сразу после церемонии.

– Да, конечно, мне не терпится ее увидеть.

– Вы двое! – воскликнула Тутси. – У вас сегодня свадьба!

– Сегодня у нас все, – отозвалась я.

До полудня оставалось десять минут.

– Нужно заходить внутрь и занимать места, – сказал Скотт.

– Я останусь на посту и буду высматривать их, – предложил Ньюман.

– Тогда если они опоздают, – возразила Тутси, – ты тоже все пропустишь. Глупости. Пойдем.

Отец Мартин провел нас сквозь высокие деревянные двери. Внутри собор оказался необъятным и таким прекрасным в своей архитектуре и отделке, что я не знала, куда и смотреть.

Длинная ровная полоса мрамора цвета ванили плавно вела нас вперед к величественному алтарю. От вершин стофутовых колонн изящными каменными лепестками расходились светлые полукружья арок. Между колоннами тянулись бесконечные ровные ряды скамей из полированного дерева. Почти все они были переполнены.

– Все эти люди... Они ведь собрались не на наше венчание? – прошептала я.

– Нет, – ответил Скотт. – Мы будем венчаться в ризнице, ведь ты не католичка. А здесь скоро начнется полуденная месса.

Сходящиеся под прямыми углами потолочные своды напомнили мне череду цветов пуансеттии. Под потолком узкие стены были прорезаны витражами с изображениями библейских сюжетов. Под ними по обе стороны зала, если этот простор можно было назвать залом, тянулись еще большие витражи, ярко сияющие в лучах полуденного солнца. С колонн и из углов на прихожан взирали статуи, должно быть, великих римлян. Их классические скучающие позы будто говорили, что они выше всего того, что впечатляет смертных, и что-то стоящее можно увидеть лишь на небесах.

Каждая поверхность, будь то каменные стены или потолок, деревянный балкон или скамьи, воплощала художественный образ. В религии ли дело – выражении, скажем, триумфа Господа? Или просто такое католичество в Нью-Йорке? А может, во всех величайших городах мира есть такие соборы...

Впервые в жизни края моего сознания коснулась безграничность нашего мира, во всех уголках которого в любое мгновение можно было найти и унылые заурядные жизни, и яркие, как моя собственная. Кто знает, сколько в мире вокзалов Пенсильвания и соборов Святого Патрика. Если Нью-Йорк подарил мне эти сокровища в первый же час после моего приезда, что ждет меня дальше? Какую музыку я открою для себя? Какие танцы? Какие книги? Какие пьесы? Этот город и, должно быть, весь мир были переполнены красотой и искусством, о каких я и помыслить не могла. И вот я стою в их восхитительном воплощении, собираясь выйти замуж за мужчину, который только что добавил к этому собранию свое собственное произведение.

В центре зала я остановилась и медленно повернулась на месте, чтобы впитать в себя окружающую красоту.

– Жаль, мама этого не видит, – вздохнула Марджори.

– Наши родители говорят, что они слишком стары для таких дальних путешествий, – объяснила Тутси отцу Мартину. – Уверена, родители Скотта тоже хотели бы сейчас быть с нами.

– Несомненно, – согласился священник.

– Здесь можно уместить целый аэроплан! – воскликнула я.

– Действительно, – ответил отец Мартин. – Мы рассматривали такую возможность – сдать помещение правительству, если понадобятся средства на ремонт.

– Но сегодня здесь аншлаг, – заметил Скотт.

Тутси кивнула.

– Полагаю, они прознали, что сегодня здесь женится мистер Ф. Скотт Фицджеральд, – подмигнула она.

Я ущипнула ее за руку.

Ризница оказалась небольшим, но роскошным помещением, отделанным резным деревом и хрусталем. Здесь дышалось легче, здесь я могла снова полностью отдаться мыслям о том, зачем мы все собрались в этот день. Мыслям о Скотте. В своем темно-сером костюме (я никогда не видела на Скотте так ладно сшитого костюма!) он казался невероятно красивым и утонченным. Он был тем, кем когда-то собирался стать, и я сказала себе, что никогда больше не усомнюсь в нем.

– Уже почти пора, – священник жестом пригласил нас встать.

Я взглянула на Тутси и спросила:

– Тильда не появилась?

Тутси покачала головой.

– У отца Мартина весь день расписан. Давайте начинать, – предложил Скотт.

– Но она так расстроится, что все пропустила, – возразила Марджори.

– Мы рискуем прождать весь день. – Скотт посмотрел на меня, и я кивнула. – Начи-
найте, святой отец. Мы готовы.

С Тутси возле меня и Ладлоу Фаулером возле Скотта мы выслушали все слова священника, которые нужно произнести, чтобы церковь и государство признали наш брак законным. Речь священника лилась, не оставляя на мне следов. Я не отводила взгляда от глаз Скотта. В них я видела счастье, гордость, надежду и любовь, которых мы оба так жаждали с той самой июльской ночи два года назад.

– Давай. – Тутси толкнула меня локтем.

– А-а... да. Да, я согласна.

Под аплодисменты нашей маленькой публики мы обменялись простыми кольцами и сладкими поцелуями. Дверь распахнулась, и молодой человек пропустил в комнатку Тильду и Джона.

– Ты все пропустила, – сказала я, подходя к сестре, чье свободное платье и просторное пальто хорошо скрывали беременность. Хотя, конечно, сам факт, что она выбрала эту одежду, был весьма красноречив.

Я положила руку ей на живот и спросила малыша:

– Это ты их задержал?

– Это все поезд. – Тильда накрыла своей ладонью мою. – По счастью, качка только убаюкивает малыша. Он вырастет настоящим акробатом.

Джон сжал мое плечо:

– Так он сделал тебя честной женщиной?

– Да, представляешь? – воскликнула я.

К нам подошел Скотт.

– Все говорили, что этому не бывать, но посмотри, я счастливая замужняя женщина, – смеялась я.

– У которой назначена встреча у «Скрибнерс», – прошептал Скотт мне на ухо. – А затем и в «Билтморе».

– Ай-ай-ай, – прошептала я.

Тильда огляделась по сторонам:

– Церемония получилась чудесной?

– Все прошло очень быстро. Слушай. – Я заговорила басом, изображая священника: – Мы собрались здесь в этот прекрасный день перед лицом Божиим, чтобы удостовериться, что эти чокнутые ребята не отправятся к дьяволу... – Тут я поцеловала Скотта так же, как только что сделала в завершение церемонии. – Что Бог соединяет, в то шайке сестер не вмешаться. И, – добавила я обычным голосом, – теперь нам пора бежать.

– Как, детка, ты просто уходишь, и все? – воскликнула Марджори.

– Я бы хотел посмотреть на книгу, – сказал Ньюман.

– Тогда купи себе экземпляр, – откликнулась Тутси. – Только потом. Пусть это будет их собственным приключением. К тому же нам нужно покормить бедняжку Тильду – наверняка она умирает от голода.

– Спасибо. – Я обняла Тутси.

Тильда заметно приуныла:

– Было бы здорово, если бы вы пообедали вместе с нами. Тутси, почему ты не помогла им что-нибудь организовать?

– Они не хотели устраивать шумиху.

– Мы навестим вас после медового месяца, – сказал Скотт.

Я кивнула.

– Ну, нам пора. Наобщайтесь хорошенько. Марджори, заberi один экземпляр книги домой, для судьи, хорошо? Я всем вам напишу. До встречи!

Мы со Скоттом дошли до магазина «Скрибнерс» рука об руку. Я так загляделась на город вокруг, что даже не заметила, что мы на месте, пока Скотт не притянул меня за руку к витрине магазина.

– Вот она.

Все книги в витрине стояли по одному экземпляру. Однако книги Скотта были сложены в целую пирамиду, которая занимала почти все место. Табличка перед пирамидой гласила:

«В свои двадцать три года мистер Ф. Скотт Фицджеральд стал самым молодым писателем, чей роман опубликован издательством “Скрибнерс”».

– Это правда? – спросила я.

Скотт кивнул.

– Это книга моего мужа! – проорала я, указывая на витрину. Случайный прохожий улыбнулся.

Я повернулась к Скотту и сказала, теперь уже только ему:

– А это мой муж.

Глава 10

В отеле «Билтмор», на пути к нашему номеру, я не удержалась и провела рукой по всей длине отполированных медных перил, по каждому позолоченному столику, каждой вышитой спинке стула. Я была в восторге от медных пуговиц на форме лифтера. Я была в восторге от лифта. После легкого обеда в роскошной столовой меня привели в восторг три бутылки контрабандного шампанского, ожидающие нас в нашем люксе – их прислали друзья Скотта по Принстону, с которыми мне предстояло познакомиться во вторник вечером.

Сполна навесторговшись шампанским (и его пузырьками, и его ароматом), я отдала должное широкой кровати, на которой можно было заниматься любовью, ложась как угодно и двигаясь в любом направлении. Все это было намного грандиозней, чем жизнь, которую рисовал мне Скотт. Я предвидела много хорошего, но это выходило за всякие пределы.

– Мы богаты? – спросила я.

– Мы неудержимы.

В воскресенье мы спали допоздна, потом нежились в постели. Заказали на завтрак кексы, фрукты и сливки в номер, днем вместе поплескались в мраморной ванне, а вечер провели на Бродвее. Первым делом поужинали в крошечной закусочной на Сорок третьей улице, затем, как Скотт и обещал, отправились на «Безумства» Зигфельда в театре Нового Амстердама. К тому времени, когда мы заняли места и занавес уже поднялся, открывая удивительные декорации, еще более удивительных артистов и самые удивительные шикарные, расшитые бисером, пайетками и перьями, сияющие, сверкающие костюмы девушек Зигфельда, я могла только потрясенно смотреть, улыбаться и дивиться собственной безумной удаче, которая столкнула нас со Скоттом и привела в конце концов сюда.

В понедельник мы запаслись холодной курицей и устроили пикник в Центральном парке. Статуи, изысканные мостики, выложенные цветной плиткой тоннели – все это оказалось для меня неожиданностью.

– У них даже парки такие? – без устали спрашивала я, пока мы прогуливались по дорожкам, по мосткам и вдоль прудов.

Эта фраза превратилась в нашу собственную шутивную присказку. Мы поели на залитых солнцем ступенях террасы Бетесда рядом с «Водяным ангелом», дружелюбной статуей-фонтаном в центре широкого мелководного пруда. У ног ангела расположились четыре херувима, которые, по словам Скотта, олицетворяли Здоровье, Мир, Умеренность и Чистоту. Я рассмеялась.

– Первые два едва ли имеют значение, если нужно соблюдать последние.

– Умница девочка! – ухмыльнулся Скотт.

Во вторник я впервые по-настоящему осознала, что значит быть женой Ф. Скотта Фицджеральда.

Мы едва успели одеться, как в дверь номера постучали. Когда в субботу Скотт упомянул, что в понедельник на час назначено его первое интервью с журналом, выбранное время показалось мне вполне разумным. Тогда мы еще не понимали, что каждую ночь засыпать будем только к рассвету. Соблазн нью-йоркских развлечений оказался непреодолим. Если бы можно было выжить без сна вообще, мы бы с радостью отказались от него.

– Я могу предстать на людях? – спросил Скотт.

Стук в дверь повторился.

– Иду! – крикнул он.

Я поправила ему галстук и поцеловала Скотта.

– Не переживай.

– И не думал. Он выпускник Принстона.

Скотт открыл дверь, за которой оказался Джим Эллис, лысеющий мужчина лет тридцати, с мягким круглым лицом и собачьими глазами. Коричневый пиджак был тесен ему в плечах и на талии, рукава задирались, открывая потертые манжеты. Складывалось впечатление, что костюм сел после стирки, или его владелец располнел, или, быть может, он просто одолжил его в последний момент у соседа или коллеги. Эллис писал заметки для журнала, о котором я никогда не слышала. Какой-то новый таблоид, как объяснил мне Скотт.

Эллис пожал Скотту руку:

– Спасибо, что согласился поговорить со мной. Нашим читателям не терпится узнать реального человека, сотворившего чудо, отражаемое на страницах книги.

– Буду рад.

Скотт провел его в гостиную и кивнул на стул слева от меня, на который послушно опустился наш гость. Я улыбнулась ему, карьера Скотта зависела от него не меньше, чем от самого Чарлза Скрибнера.

– Джим Эллис, хочу представить тебе мою очаровательную вот уже три дня как жену, Зельду Фицджеральд.

«Зельда Фицджеральд! Как странно это звучало для моих ушей!»

Я положила ногу на ногу, обнажив колено, и наклонившись, протянула ему руку.

– Рад знакомству. – Эллис вспыхнул и быстро, смущенно сжал мою ладонь, прежде чем снова обернуться к Скотту. – Поздравляю с женитьбой.

Я знала таких людей, как Эллис. По моему опыту все мужчины делились на два типа. Первые хоть невзрачны или бедны, всегда были готовы хотя бы попытать удачи с симпатичной девушкой. Вторые всегда смотрели на первых с завистью. Эллис принадлежал ко второму типу. Он, вероятно, не был женат, а если был, то, по моему недоброму предположению, на девушке еще более неуверенной в себе, чем он сам. Подобные пары населяют мир целой расой невыразительных, скучных людей, которых на вечеринку приглашают только из жалости, желая на время вырвать их из повседневного уныния.

Пока Скотт устраивался в кресле, Эллис вытащил блокнот и раскрыл его на странице, уже испещренной заметками. Он показал на книгу «По ту сторону рая», лежащую на столе между ним и Скоттом.

– Должен сказать, я читал твой роман и полностью согласен с «Таймс»: «Эта книга описывает повседневную жизнь так называемых «универсиантов» настолько блестяще, насколько это вообще возможно в этом жанре». Я готов подписаться под каждым словом.

Скотт благодарно кивнул.

– Меня всегда особенно интересовала университетская жизнь моих однокашников.

– Хотел бы я, чтобы моя университетская жизнь больше походила на ту, которую слухи приписывают тебе.

– Не могу в это поверить! Уверена, вы просто были разумным парнем, – встряла я.

Он бросил на меня быстрый взгляд. Теперь покраснели и его уши.

Он снова обратился к Скотту:

– Как, наверное, пьянит это ощущение – получить печать одобрения от «Таймс», когда тебе всего двадцать три, и это твоя первая книга... – Эллис с нескрываемой завистью покачал головой.

– Впечатляет, правда? – прокомментировала я.

– О, спасибо, дорогая.

Затем Эллис спросил его, насколько судьба главного героя, Эмори Блейна, отражает жизнь самого Скотта.

– В какой-то степени, – ответил Скотт. – Я создал для этого персонажа альтернативный вариант моей собственной жизни.

– То есть Блейн – это альтер-эго?

– Довольно наивное альтер-эго, да.

– Ну конечно, это логично. Ты бы не смог так мудро подметить некоторые моменты, если бы сам был им.

Скотт просиял.

– Теперь, – продолжил Эллис, – давайте перейдем к женщинам в романе...

– Это роман о девушках-эмансипе. Тебе знаком этот термин? Так называют независимых девушек современных нравов. Это история о феминистках для философов.

Эллис кивнул и сделал пометку в блокноте.

– А та эгоистичная девушка, которая разбила ему сердце, – Розалинда. Она... – Он снова бросил на меня взгляд.

– Какое-то сходство есть, это правда, – вмешалась я. – Но как видите, я все-таки вышла замуж за моего Эмори.

– Но только после того, – добавил Скотт, – как ее Эмори доказал, что его перспективы куда блистательней, чем у нашего бедного героя. – Он ткнул пальцем в книгу. – Зельда привыкла к другому уровню жизни, уровню, который я смог обеспечить ей только сейчас. Она не хотела выходить за меня, пока я не доказал, что могу построить свою жизнь, и не обзавелся долларом-другим на счету.

– Вообще-то, все было не совсем... – забормотала я.

– Дорогая, – перебил Скотт, раскрывая портсигар и снова захлопывая его, – не могу поверить, но у меня закончилось курево. Можешь заказать мне еще, пока я закончу с мистером Эллисом?

– Прости?... – переспросила я, сбивая с толку его вмешательством.

– Сигареты. Тебе что-нибудь заказать, Эллис?

– Если у них есть сэндвичи с ветчиной... Я не успел пообедать.

– Конечно, – ответила я. – Но я только хотела пояснить, что не...

– Никто не будет думать о тебе хуже из-за того, что ты заставила меня подождать, дорогая. Женщины должны быть практичными.

Я встала и тоном, подходящим моему предполагаемому персонажу, прохладно осведомилась:

– Может быть, мне просто сходить и самой найти коридорного?

Оба мужчины промолчали, но, пересекая комнату, я чувствовала на себе их взгляды. Открывая дверь, я услышала, как Скотт говорит:

– Девушки-эмансипе... Они как скаковые лошади.

Я с грохотом хлопнула за собой дверь.

«Пошли они к черту! – подумала я. – Пусть ищут себе другую собачку, чтобы приносить добычу».

Когда я вернулась через полтора часа, Эллиса уже не было, а Скотт сидел на полу, окруженный десятком газетных вырезок. На столе неподалеку лежал раскрытый почти полный портсигар.

– Ты сказал, у тебя закончились сигареты!

Он встал и подошел ко мне.

– Это была уловка, чтобы ты перестала пытаться исправить мою историю. Я не хотел, чтобы ты потушила интерес Эллиса. Ты видела, как он на тебя смотрел? Для него ты и есть Розалинда. Если в будущем кто-то заговорит о твоём сходстве с ней, не придирайся к мелочам, играй свою роль. Будь Розалиндой! Они на это надеются.

Я взяла сигарету, прикурила у него, затянулась и медленно выдохнула.

– Но я же не она! Для начала, она не южанка ни на йоту. Она – часть нью-йоркского общества, а я уж точно нет.

– Художественное допущение. – Он отмахнулся.

– И она жеманная гордячка, скажешь, нет?

– Почему? Потому что не пошла наперекор желаниям семьи и предпочла Эмори богатого человека? Она практичная. Можно сказать, расчетливая. Это не обязательно недостатки. Все зависит от ситуации и оттого, как воплощаются эти качества.

– Ты хочешь, чтобы люди считали меня такой? Эгоистичной? Расчетливой?

– Любой, кто знаком с настоящей тобой, знает, что ты добра, щедра и умна. Самая популярная девчонка в высшей школе Сидни Ланьера – это несомненно. А какая разница, кем тебя считают газеты и журналы? Или меня, если уж на то пошло? Это же реклама. Дай публике то, что она хочет, и люди раскошелятся.

– И при этом будут верить, что заполучили от нас сентиментальное признание. Я-то думала, ты хотел, чтобы твою книгу судили не по обложке.

– И именно так ее судили большинство тех, чье мнение имеет значение. Сама посмотри, – он кивнул на газетные вырезки. – Это самые свежие рецензии – за эти выходные. Мне прислал их агент. И они отличные. – Его голос сорвался. Скотт прочистил горло и продолжил: – Макс Перкинс всегда смотрел в будущее, и он с честью выдержал испытание.

– Это ты с честью его выдержал, – возразила я, смягчившись. – Ты всегда знал, о чем говоришь. Это умная, смешная и мудрая книга, Скотт, и ты заслужил все, что получил.

– Мы заслужили. Многие диалоги я взял прямо из твоего дневника.

– Ты вложил мои слова в уста персонажа, на которого я никогда не буду походить. Это добавляет пикантности. Какой-то волшебный фокус, правда? Но это сработало, спору нет.

– Сработало и привело нас сюда.

Я подошла к окну.

– Никогда бы не подумала. Даже представить такого не могла. – Я снова повернулась к нему. – А ты потрясающий.

Он пожал плечами, отмахиваясь от комплимента, но по улыбке было ясно, что ему приятно.

– Теперь весь вопрос в продажах. Популярность означает, что мы можем продолжать пить шампанское, – он с хлопком открыл бутылку, – и носить бриллиантовые часы, и, – он постучал пальцем по конверту на столе, – ходить по вечеринкам вроде сборища у Джорджа Джин Натана в следующую пятницу.

– Очередной юный наследник из Принстона?

– Боже упаси. Он – одна из самых видных фигур в городе, редактор «Сливков общества», к тому же писатель и театральный критик высшей пробы. Он знаком со всеми. Со всеми. И он хочет, чтобы мы были у него на вечеринке.

Я вспомнила «Сливки общества», первый из крупных журналов, в котором опубликовали рассказы Скотта. Тогда я не понимала, какое огромное значение имела эта сделка: ведь публикация рассказа не дала Скотту нужного толчка, когда он все силы бросал на публикацию романа и поиски новой работы. Но это первое легкое дуновение превратилось в ураган, который теперь принес ему все. Рецензии в газетах по всей стране. Книжки, разлетающиеся с прилавков в мгновение ока. Новые рассказы, опубликованные в новых изданиях. Стабильный доход. Свадьбу в соборе Святого Патрика. Роскошный номер в «Билтморе». Репортеры, жаждущие получить интервью...

– Натан хочет, чтобы ты был у него, – возразила я.

– В приглашении сказано – мистер и миссис Скотт Фицджеральд. И, сдается мне, по такому случаю тебе необходимо новое платье.

– Хочешь сказать, твоей Розалинде нужно новое платье. – Я ступила на диван, перешагнула на него, снова забралась. Раскинув руки, чтобы не потерять равновесие, аккуратно прошлась по спинке. – В Монтгомери было проще. Мне нужно было просто оставаться собой.

– Но ведь ты оставалась собой, играя разных персонажей на сцене, правда?

Я спрыгнула на подушку.

– Наверное, ты прав. Так что...

– Так что если мы воплотим в жизнь мой план, то будем просто играть свои роли. Так же, как на «Безумном балу» в этом году. – Скотт протянул мне бокал шампанского. – Только на этот раз роли мы напишем сами.

Глава 11

Вечером мы ужинали в «Каскаде» на последнем этаже «Билтмора». Хотя крышу не открывали, потому что на улице было слишком холодно, мы сошлись во мнении, что от одной этой возможности захватывало дух. Здание было настоящим чудом. Все в Нью-Йорке было чудом, включая Скотта, ведь он ухаживал за мной, как за принцессой, в которую я когда-то играла. Утром фрукты со взбитыми сливками в номер. Днем – поход по магазинам и парикмахерский салон. Ужин на верхнем этаже роскошного отеля. После – танцы под музыку в исполнении первоклассного оркестра. И шампанское. Реки шампанского. Накануне вечером я сказала Скотту:

– Спорим, мы скоро и писать будем с пузырьками.

Мы занимались любовью при каждой возможности. Быстро и яростно между мероприятиями, лениво, когда времени было полно. Вечером чистили зубы, склонившись над одной раковиной. Мы говорили друг с другом из туалета. Брак нам очень подходил, несомненно.

Пока официант убирал наши тарелки, Скотт рассказал, что интервью с Эллисом подало ему новую идею и он хочет обсудить ее с издателем.

– Я хочу написать вымышленное интервью, которое можно будет поместить в «Таймс» или «Трибюн». Тогда нам не придется ждать, пока газеты решат, чтобы это сделал кто-нибудь другой.

– Вымышленное интервью? Значит, новая порция альтер-эгоизма.

– Что-то вроде того. Я еще не продумал его... но есть несколько мыслей.

Я почти видела, как эти мысли роятся у него в голове, и со смехом наблюдала, как он вытащил записную книжку и сделал несколько быстрых заметок.

– У меня тоже есть некоторые мысли, – заговорщицки произнесла я, и тут пришлось прерваться, потому что принесли крем-брюле.

Скотт посмотрел на меня и, поняв намек, ухмыльнулся.

– Мы отменная парочка, верно? – спросил он официанта.

– Истинно так, сэр. Вообще-то, пара за одним из столов только что спрашивала, не знаменитости ли вы с афиши на Бродвее.

– Которая пара?

– Вон те, в очках, – официант кивнул на мужчину и женщину средних лет за несколько столиков от нас.

Скотт встал и под нашими с официантом взглядами направился прямо к ним. Он склонился и начал оживленно что-то говорить. Они засмеялись, он засмеялся и вытащил ручку из нагрудного кармана. Снимая колпачок, Скотт, должно быть, сказал что-то, что заставило их посмотреть на меня с одобрительными улыбками. Я любезно помахала им, будто такое со мной случалось постоянно.

Скотт взял салфетку прямо с колен женщины, разложил на столе и что-то написал. Закончив, отвесил поклон мужчине, поцеловал женщине руку и вернулся за наш стол.

– Они надеялись, что мы актеры, – сообщил он, – но согласились и на автограф блестящего молодого автора возмутительного нового романа, о котором столько и разговоров кругом.

Официант быстро оглянулся.

– Вы не возражаете? – Он положил салфетку Скотта на стол. – И напомним, как называется ваша книга?

На следующее утро у Скотта была назначена встреча в «Скрибнерс» с издателем Максвеллом Перкинсом и пареньком, который отвечал у них за рекламу. Предоставленная сама

себе, я решила наконец-то заняться письмами. Я так и не написала двум Сарам, Ливи и моим родителям. Нужно было узнать, вернулась ли Таллу в Нью-Йорк или все еще работает в Лондоне, где путь к славе, как ей казалось, менее тернист.

В Нью-Йорке каждый – знаменитость, – писала она мне несколько недель назад. – Все красавцы. Но Англия изголодалась по привлекательным девушкам. Надеюсь, скоро увидимся, а пока поищи Джин. Ее нетрудно найти – просто иди по следу из мужских тел.

Скотт вернулся с пакетом сэндвичей. Походка у него была уверенная и пружинящая.

– Все прошло хорошо?

– Они считают, что у меня не все дома, но готовы подыгрывать. Что думаешь? – Он вытащил из кармана сложенную страницу и развернул ее. – Моего интервьюера зовут Карлтон Р. Дэвис. Я приглашу его сюда, потому что маюсь бездельем. Кругом беспорядок – тут я не совру. – Он оглядел бардак в номере. Жизнь на чемоданах не способствовала аккуратности. – И я не могу найти свою шляпу, и этот галстук, – он похлопал по галстуку на груди, синему в белую точку, – и сигареты, и все такое, но предлагаю ему задавать свои вопросы. Мы разделяемся с обычными «Сколько времени у вас ушло на эту книгу?», и я растолковываю некоторые моменты...

– Ты растолковываешь?

Он усмехнулся.

– Думаешь, ты так хорошо меня знаешь, а? – Он поцеловал меня и продолжил читать свои заметки. – Он спрашивает, что я планирую дальше.

– А правда, что ты планируешь?

Он взглянул на меня поверх листка.

– Полагаю, ты говоришь о моих литературных планах.

– Нет, это Карлтон Р. Дэвис хочет узнать про твои литературные планы.

– Да, да, верно. – Он снова посмотрел на листок. – И я пожимаю плечами. «Чтоб я знал. Размах, глубина и размер моих произведений в руках богов».

– Которые, несомненно, прямо сейчас читают «По ту сторону рая», чтобы проложить тебе правильный путь в будущем.

– Несомненно. И я продолжаю рассуждать, пока не произведу на нашего мистера Дэвиса достаточно сильное впечатление, чтобы он спросил, собираюсь ли я стать частью новой великой литературной традиции.

– И ты собираешься.

– Нет! Нет, как раз этого люди и ожидают от парня на моем месте. Но я не собираюсь. «Ничего подобного не существует, – говорю я. – Единственная настоящая традиция – это смерть прошлых традиций».

Эта мысль захватила его и он, замолчав, начал искать по карманам карандаш.

– Подожди. – Скотт положил лист на стол и набросал что-то. Затем зачитал: – «Мудрый литературный сын убивает своего отца». Что думаешь?

– Очень по-гречески, не находишь?

– Греция – колыбель литературы, моя дорогая девочка. Все писатели черпают из этого колодца – снова я смешиваю метафоры. – Он сел рядом со мной. – Дайте мне героя, и я расскажу вам трагедию.

Я начала отвечать, но Скотт перебил меня:

– Постой. Дайте мне героя... Дайте мне героя, и я расскажу вам... нет... я покажу вам...

Он потянулся за карандашом и нацарапал что-то на полях. Было так забавно наблюдать, как мой муж превращает мысли в слова на бумаге, будто пишет под диктовку тех самых богов, о которых говорил.

– Вот, кажется, нашел. «Покажите мне героя, и я напишу вам трагедию». Звучит неплохо. Пока не знаю, где я это использую, но фраза хорошая.

– А это не Шекспир сказал?

Скотт задумался на мгновение, потом пожал плечами:

– Как знать?

Глава 12

Мы устроили знакомство друзей Скотта с его женой в «Билтмор Палм Корт». Одеваться на эту встречу нужно было так же, как на любой вечер или бал у нас в Алабаме, но я беспокоилась. Без привычной влажности Монтгомери мои волосы не понимали, как им себя вести. Без привычных порядков Монтгомери я и сама не знала, как мне себя вести.

Все эти люди, кроме Ладлоу Фаулера, знали меня только со слов Скотта. Я привыкла, чтобы меня оценивали по моим реальным поступкам: я могла контролировать, что делаю и с кем, и когда решала действовать, была готова к любым последствиям. Но одному Богу известно, что Скотт наговорил обо мне после нашего расставания. Он мог рассказать кому угодно из друзей или всем сразу, что я капризная девчонка, которая дала ложную надежду, потом растоптала все его чаяния, затем снова окрутила и наконец заполучила его. У любого есть хотя бы одна знакомая пара, в которой бедняга-мужчина откровенно увяз и несчастен. Если принстонская компания видела меня такой, я должна была это исправить. И я не потерплю, чтобы они считали меня Розалиндой. Пусть незнакомцы думают что хотят, но эти парни были Скотту как братья.

Я буду с ними само обаяние, и буду мила со Скоттом, и позволю ему купаться в лучах заслуженной славы. Они сами увидят, несмотря на все прежние рассказы Скотта, что между нами царят искренняя любовь и взаимное уважение. Сара Хаардт будет мной гордиться.

Я выбрала темно-синее шифоновое платье, которое Скотт однажды заметил в витрине магазина. Он сказал, что все, что я привезла из дома, выглядит слишком провинциально по сравнению с нарядами нью-йоркских женщин. Да я и сама это замечала. Так что как ни странно было принимать от мужчины модные советы, если я собиралась стать женой известного автора – и пользоваться при этом дурной славой, мне нужно было выглядеть соответственно. Я распрощалась с повседневными хлопковыми рубашками и простыми юбками. Теперь я носила более тонкий хлопок – и шелк! Я оголяла ляжки. У меня были причудливые шляпки, кожаные перчатки и туфли четырех разных цветов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.